

КОСТЯНАЯ ВЕДЬМА

РИН ЧУПЕКО

Костяная ведьма

Рин Чупеко

Костяная ведьма

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(599)

ББК 84(5Фил)-44

Чупеко Р.

Костяная ведьма / Р. Чупеко — «Эксмо», 2017 — (Костяная ведьма)

ISBN 978-5-04-093176-7

Лучшая книга месяца по версии Amazon! Самая ожидаемая книга весны по версии «Publishers Weekly»! Чудовище свирепствовало, его злоба буквально пронизывала воздух. Но от девушки тоже исходила сильнейшая ярость. Она стояла без оружия, лишь несколько алмазов сверкали над головой, в темной копне волос, подобно звездам на небе. – На колени, – приказала девушка, и вопреки всем ожиданиям дэв подчинился. Демон опустился на колени и склонил голову. «Семнадцать», – подумал я. Ей не больше семнадцати. В день, когда Тия случайно подняла своего брата из могилы, она узнала, что отличается от других ведьм. Дар некромантии сделал ее Костяной ведьмой, самой могущественной из всех, чьей магии подвластны руны Тьмы. Но чтобы ими управлять, Тия должна стать ашей и навсегда покинуть родной дом. Темная магия стоит целой жизни, а Тия – последняя Костяная ведьма. Сможет ли девушка не только пожертвовать своим будущим, но и укротить Тьму, пожирающую ее изнутри?

УДК 821.111-312.9(599)

ББК 84(5Фил)-44

ISBN 978-5-04-093176-7

© Чупеко Р., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

1	11
2	16
3	21
4	26
5	31
6	38
7	44
8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рин Чупеко

Костяная ведьма

Rin Chupeco
THE BONE WITCH

Copyright © 2017 by Rin Chupeco.
Originally published in the United States by Sourcebooks Fire, an imprint of Sourcebooks, Inc.
www.sourcebooks.com

Серия «Young Adult. Костяная ведьма»

© Дорохова С. Л., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Чудовище свирепствовало, его злоба буквально пронизывала воздух. Но от девушки тоже исходила сильнейшая ярость. Она стояла без оружия, лишь несколько алмазов сверкали над головой, в темной копне волос, подобно звездам на небе. Брони на ней не было, кроме прекрасного платья хуа¹ из дамасского шелка цвета красного дерева и янтаря. По всему подолу тянулся вышитый золотой дракон, половина туловища которого исчезала за широким поясом. Она вскинула руку, однако в ней я ничего не увидел. В отличие от чудовища, чей гнев утих, и теперь доносилось только тихое поскуливание.

– На колени, – приказала девушка, и вопреки всем ожиданиям дэв² подчинился. Демон опустился на колени и склонил голову.

«Семнадцать», – подумал я. Ей не больше семнадцати. Этим возрастом объясняется поэтичность ее лица: безупречная смуглая кожа, вздернутый нос и решительно вскинутый подбородок. Но он вовсе не объясняет взгляд старухи, поселившийся в огромных черных озерах глаз, где для света нет места.

Девушка стояла напротив демона в четыре раза выше ее и весом в несколько тонн. Но от одного прикосновения ее руки он сжался. Слоноподобное чудовище со шкурой цвета мертвых деревьев и полным ртом гигантских, словно бивни, зубов даже не нападало. Обладая клыками, острыми как нож, оно боялось. И вместе они создавали причудливую картину: на пляже из пепла и ила стоят девушка и монстр, волны, разбиваясь о берег, поднимают брызги морской воды и соли.

Чудовище, глядевшее на нее отупевшими белесыми глазами, снова заскулило. Девушка улыбнулась. А после, погладив его уродливую морду, склонилась к омерзительным желтым зубам, будто желала поделиться с ним какой-то тайной.

– Умри, – прошептала она.

Дэв вздохнул с облегчением. Повалился на бок и, в последний раз умоляюще вскинув к ней голову, умер.

Девушка поднялась на ноги и вынула из рукава нож. Рукой пошарила по челюсти и шее чудовища. Нащупав место посреди горла, она вонзила лезвие в загрубевшую плоть. Из зияющей раны с бульканьем полилась черная жидкость – блестящая, как масло, и густая, как сироп.

Я отвернулся. К горлу невольно подступила съеденная пища, которую я с трудом удержал в себе.

С пальцев девушки стекала кровь и грязь. Из внутренностей существа она извлекла идеально круглый камень. Он был гладким, размером с ладонь, и сиял рубиновым цветом. После этого монстр тут же рассыпался, обернувшись кучей пыли.

– Безоар³, – пояснила она. – Знак всякого дэва. Это существо называют аквамом⁴, и его безоар способен распознать все известные виды магии. Но это не объясняет, почему он оказался здесь, в моих владениях.

Несмотря на всю искусность, с которой было выполнено ее хуа, в вышитом на нем драконе проглядывало что-то необычное: слишком длинная морда, а вместо острых зубов и усов – клыки. Нечасто встретишь подобные изъяны на столь пышных нарядах.

В разрезе платья я заметил длинный белый шрам, растянувшийся вдоль бедра. Она и не пыталась скрыть этот изъян. Стояла уверенно, расставив ноги, так что казалось, будто украшенный бисером дракон буквально выпрыгивает из своей сморщенной кожи. Широкий пояс она вопреки традициям носила не туго. Тот был черным, с вышитыми позолоченной

¹ Разновидность древнекитайского военного платья.

² Дэв – сверхъестественное существо, встречающееся в иранской, славянской, грузинской, армянской, тюркской мифологиях.

³ Безоар – инородное тело в желудке, конкремент из плотно сваленных волос или волокон растений.

⁴ Аквам – в иранской мифологии один из наиболее могущественных дэвов.

нитью хризантемами. Вероятно, это творение принадлежит одной из мастерских Арракана – замысловатая золотая вышивка была их специализацией.

Ее шею украшала красивая цепочка с кулоном в виде сердца. У меня было такое же, но из обычного стекла – гладкое, цвета спелого яблока. Я полагал, что у нее оно, как у всякой аши, будет сиять серебром из-за клубящегося в закаленном стекле слабого дыма. Но оно оказалось черным, словно ночь.

Смерть акван-дэва была не единственной на этом одиноком берегу. На пустынном пляже тут и там попадались еще кости – останки жертв безжалостных волн, разбившихся об острые скалы. В пронизанных сажеей лучах светились огромные грудные клетки. Черепа безмолвно с осуждением пялились на меня своими пустыми глазницами.

Девушка обернулась ко мне, и я впервые увидел позади нее могилу. На одиноком участке травы, зеленевшем посреди песчаного пейзажа, стояла каменная плита. Надписи на ней не было, так что я не знал, кто же похоронен под ней и по кому она скорбит.

– Тебя называют Тией из Углей, – произнес я.

Ничего не ответив, она ждала.

– Я собираю истории, – продолжил я. – Был рожден в Дрихте, но изгнан из него, когда, повзрослев, мог уже свободно мыслить и распевать песни о королях-тиранах. С той поры я зарабатываю себе на жизнь сказками и балладами. Я воочию видел бесконечные войны городов-государств Ядоши. Делил пищу с народами севера и танцевал с племенами Горвекан в Истеранских степях. Наблюдал за тем, как отравляли правителей, вешали последователей Безликих, и выжил в городе, поглощенном морскими водами. Мое имя известно повсюду, а репутация более чем скромна.

– Но я почти ничего не знаю о войнах-аши. Я знаком с их танцами, оружием и легендами, но не с раздорами, сплетнями и привязанностями. И до сего дня я ни разу не видел, чтобы кто-то из них уничтожил дэва.

Девушка горько рассмеялась.

– Я больше не аша, Бард. Их в отличие от меня люди любят. И мое изгнание на край земли – тому подтверждение. Таких, как я, называют иначе. Мне больше подходит имя Костяной ведьмы. Ты же здесь лишний и сейчас стоишь у меня на пути. Назови мне хотя бы одну причину, почему я не должна убить тебя прямо здесь.

Мне не впервой молить о пощаде, поэтому я сказал:

– Ты же аша и должна знать, как отличить правду от лжи. Испытай меня.

Девушка подошла ближе. Из складок своего хуа она извлекла еще один камень и вложила его в мою ладонь. Меня нельзя назвать знатоком магии, но даже я ощутил мощь заклинаний, вплетенных в ее платье. Вот только не знал, что именно они усиливают: ее красоту – то, ради чего чаще всего используют магию, или же силу, которой и без того в ней было с избытком.

– Если ты говоришь правду, он будет гореть ярко-голубым, – сказала она. – Если совершишь, он засияет глубоким черным цветом. Поэтому тщательнее подбирай слова, Бард.

– Мне приснился сон. Я увидел в небе яркую голубую луну и следовал за ней сквозь облака, пока та не засверкала над пустым серым пляжем, издавна усеянным костями морских чудовищ. Там была девушка с окровавленными руками, пообещавшая мне рассказать сказку, которую даже я не смог бы себе вообразить. «Если чего и жаждут люди большие хорошей историей, – произнесла она, – так это рассказать свою собственную». А проснувшись, я увидел на небе ту самую голубую луну, столь же реальную, как и мы с тобой. Тогда я, доверившись своей интуиции, отправился по тому же пути, что и во сне. Нашел тот самый пляж и ту самую девушку. Я слышал множество историй о тебе от других. Но теперь почти за честь послушать тебя вживую. Позволь мне воспеть твой рассказ, я воздам ему должное.

Волны бились о берег. Над головой кружили стервятники. А сапфир у меня в руке сиял ярко-голубым.

Нарушив молчание, она снова рассмеялась, и воздух содрогнулся.

– А ты самоуверен и любопытен, как я погляжу. Не самое безопасное сочетание качеств. – Она забрала у меня безоар и отвернулась. – Я ухожу через семь дней. Но до тех пор все тебе расскажу.

Я последовал за ней, а сам мучился вопросами, не дававшими мне покоя. Я слышал про нее многое, но вовсе не ожидал, что она окажется столь юной. Зачем семнадцатилетней девушке находится одной на странном сером пляже, в окружении трупов чудовищ?

1

Позволь мне сразу пояснить: я не собиралась поднимать своего брата из могилы, пусть он и утверждает обратное. Чему я и научилась у него за все эти годы, так это тому, что мертвые скрывают правду не хуже живых. Костяной ведьмой я стала не так давно, что бы там ни говорили, но этот урок усвоила первым.

Теперь я понимаю, почему люди боятся Костяных ведьм. В книжках со сказками, где уничтожают драконов с ониксовыми глазами и спасают благодарных девиц из башен слоновой кости, такой магии не найдешь. Не отыскать ее и в фокусах, где весь обман таится лишь в ловкости рук и иллюзиях. Нет ее и на полях, засеянных рунными ягодами, которые люди собирают для снадобий и заклинаний. Все потому, что магия смерти – могущественная, исключительная и безжалостная. И я с самого начала без труда овладела ею.

По правде говоря, во мне никогда не замечали чего-то необычного или таинственного. Родилась я в одной из крошечных деревушек, разбросанных по королевству Одалия, Найтскроссе. С трех сторон ее окружал красивейший лес, а с одной – холмистые равнины. Единственной моей странностью можно было назвать неутомимую тягу к чтению и учебе. Я прочитала историю о Восьми Королевствах, Пяти Великих Героях и Лжеправителе. Именно так я узнала о владеющих магией ашах, их нескончаемой войне против Безликих – народа лжи и приверженцев Тьмы, присягнувших Лжеправителю. Порой я и сама притворялась ашей. Таки из Шелка, которую сказочный король Маррус взял в жены. Или Надин из Шелеста, которая своим танцем прекратила войну между королевствами Истера и Даанорис.

«Ты, Тия, думаешь столько же, сколько мужчины пьют, – однажды сказал мне отец, – то есть слишком много. Хотя на деле очень мало». Но все равно приносил мне книги с далеких ярмарок и поддерживал мою любовь к пергаменту и бумаге. В какие-то дни, когда его работа в кузнице подходила к концу, я читала для него. Надо было видеть это зрелище: высокий крепкий мужчина с густой бородой сидел, откинувшись в любимом кресле, и слушал, как я своим писклявым голоском читаю детские сказки и легенды.

Да, я действительно родилась в самый пик затмения, когда небо прищурило свой лунный глаз, словно мое появление стало доброй шуткой между старыми друзьями. Или же луна, прочитав по звездам мою судьбу, спряталась, не в силах вынести моего рождения. Обычно подобные явления и приписывали Костяным ведьмам. Разве нормальные дети, рожденные под покровом ночи, без единого луча света, могут жить обычной жизнью?

Следует отметить, что некромантией в нашей семье никто не занимался, чего не скажешь о колдовстве. Однако мои старшие сестры были добрыми ведьмами, которые состояли в общине и обычно не занимались призывами мертвых родственников из могил.

Роуз⁵ была Лесной ведьмой. Пухленькая, с загорелой под жарким солнцем кожей – даже темнее, чем у фермеров, работающих в полях от рассвета до заката. Она ухаживала за садом с травами и продавала припарки и домашние снадобья от подагры, любовной тоски и других недугов.

Лилак⁶ считалась Водяной ведьмой. Высокая и неподвижная, словно вода в глубоком пруду. Она любила носить вуали, призывать удачу, а порой случайно находить потерянные безделушки. Как-то раз она погадала и мне, но не обнаружила ничего плохого. «Тия способна стать ведьмой, как и мы, если того пожелает, – сказала Лилак матери. – Я вижу ее в прекрасном янтарном платье, с ярко горящими драгоценными камнями в волосах и под руку с красивым принцем. Нашей маленькой Тие судьбой предначертана великая жизнь, но не в Найтскроссе».

Даже те, кто не был знаком с ведьмовским ремеслом, считали лесную и водяную магию почетным и уважаемым ремеслом. А Роуз и Лилак – почетными и уважаемыми ведьмами.

Узнай я раньше цвет своего стеклянного сердца, могла бы лучше подготовиться к ожидающей меня участи.

В третий день третьего месяца – день весеннего равноденствия – на деревенской площади по традиции собирались дети тринадцати лет. Шеи всех мальчиков и девочек украшали цепочки с изящными кулонами в виде стеклянных сердец. Одним родители покупали на одалийском базаре самые дешевые из простого стекла, другие же могли себе позволить кулоны от знаменитых в Ниве стеклодувов.

После этого ведьма – в одно время это бывала Роуз, в другое – Лилак – чертила в воздухе руны Сердца до тех пор, пока каждый пустой кулон не наполнялся яркими красно-розовыми оттенками. Согласно традициям Одалии, мои родители носили сердца друг друга: папино горело красным, точно негасимое пламя в кузнице, а мамино, подобно домашнему очагу, светилось теплым коралловым цветом. У большинства моих братьев и сестер цвета различались, и лишь сердца Роуз и Лилак из-за ведьмовских способностей были окрашены в пурпурный. Мне тогда было всего двенадцать лет, и в силу столь юного возраста я не понимала всей важности своего сердца. А ведь носить сердце – это большая ответственность. Однако маленькие дети и без того считались бессердечными созданиями – так, по крайней мере, говорила миссис Друри, которая жила в трех домах от нас и считалась местной сплетницей. Тем не менее я все равно не верила, что взрослые так уж сильно заботятся о своих сердцах, потому как моя старшая семнадцатилетняя сестрица Дейзи⁷, самая красивая из всех Пехлеви, вечно теряла свое. То подарит его Демиану Терру, то отдаст Сэму Фаллоу, то вручит Хиту Слodbаррону. А Роуз и Лилак вынуждены были накладывать новые руны Сердца, всякий раз как заканчивались ее романы. Но Дейзи совершенно не волновалась по этому поводу, потому что все подаренные ею сердца со временем тускнели, и ей приходилось просить новое.

«Никогда добровольно не отдавай свое сердце, тем более так часто, – предупреждали сестру Роуз и Лилак. – Иначе неподходящие люди смогут наложить на него заклятье и получить над тобой власть».

Вот уж не знаю, зачем кому-то захватывать власть над Дейзи, ее же не заставишь работать. А Демиан, Сэм и Хит – явно неподходящие люди для моей сестры – не распознают магию, даже если она заедет им по голове.

Однажды я спросила у Роуз, почему сердце Дейзи никогда не выдерживает ее романов, в отличие от кулонов родителей, которые ни разу не приходилось менять. «Сердце возможно сохранить, лишь приложив к этому усилия», – ответила она. К Дейзи сестра относилась с

⁵ Rose – роза (англ.).

⁶ Lilac – сирень (англ.).

⁷ Daisy – маргаритка (англ.).

большим снисхождением, чем Лилак. «Но она не может совладать с собой, – добавила Роуз. – Порой нельзя решить, кого и как долго любить».

Судя по тому, как зовут моих сестер, тебя, наверное, удивляет мое столь необычное имя. Наша мама всегда слишком много ждала от своих детей, в особенности от дочерей. Утонченным добропорядочным девушкам подобает носить такие же утонченные и добропорядочные имена. Поэтому моих сестер называли Роуз, Лилак, Мэриголд⁸ и Дейзи. А к моему рождению мама забросила цветы. Я выросла под звуки ссор, любви и бегающих ног, но, несмотря на всю свою любовь к странным книгам, была совершенно обычной.

А что же Фокс⁹? Он стал трагедией для нашей семьи. Его сильное и надежное сердце сияло умброй¹⁰, а, наполняясь тем самым правильным светом, отливало бронзой. Для меня он был вторым отцом и моим одним из ранних детских воспоминаний. Как настоящий старший брат, он присматривал за мной, а воспитанием остальных детей занималась мама. Когда мне исполнилось десять лет, он ушел в армию, и я два года читала родителям его письма. Он писал про то, как кучка невоспитанных дворян, провозгласившая трон своим, поднимала золотые и серебряные знамена, а король Теламейн отправлял солдат вроде него – вооруженных, готовых к войне, – свергнуть этих наглецов с их высоких пьедесталов.

Но однажды Фокс стал писать какие-то странные и ужасные вещи. Повсюду, подобно заполонившим границы королевства вьюнкам, поползли слухи, которые постепенно наполнились домыслами и страхами. И рассказывали они про дэвов – страшных чудовищ, уродливых существ с чешуйчатыми скользкими телами, желтыми клыками, рогами и шипами. Мне уже была известна легенда о последнем на свете проклятии Лжеправителя – дэвах, которыми управляли Безликие. И порой это проклятие повторялось: дэв поднимался из мертвых, чтобы разрушить все на своем пути. Время от времени Фокса отправляли патрулировать границы Одалии, где он своими глазами видел одного такого монстра. Обычно в подобных случаях командующий приказывал отступить, потому как убивать чудовищ были обязаны Искатели смерти. Тогда эти элитные бойцы, владеющие магией, очень впечатлили Фокса.

А вскоре нам пришло письмо от генерала Лоуда: Фокс убит «неизвестным существом» – так военные называли дэвов, пояснил папа. Далее прислали простой сосновый гроб по цене его трехмесячной зарплаты и единственную записку, отражавшую равнодушие и сожаление одновременно.

Мама с сестрами плакали так, что могли своим горем затопить весь Найтскросс. А отец с братьями три дня и три ночи не спали, сохраняя молчание с невозмутимыми лицами и влажными глазами. Мне тогда было всего двенадцать лет, и я не видела в неподвижном теле брата своего доброго милого Фокса. Не узнавала его в бледном мрачном лице. Ведь это мой брат, который растил меня, кормил и носил на плечах. И теперь мне было невыносимо больно видеть его таким.

На похоронах, когда опустилась крышка гроба, я молчала. Когда деревянный ящик погрузили в вырытую яму, я тоже молчала. Но стоило им бросить на свежую могилу последнюю лопату земли, как я заговорила. До сих пор помню, насколько тяжелые тогда слова сорвались с моих губ:

– Его нельзя туда опускать. Он не сможет выбраться.

⁸ Marigold – бархатцы (англ.).

⁹ Фокс – лиса (англ.).

¹⁰ Умбра – минеральная краска разных цветов, от красновато-коричневого до зеленовато-коричневого.

– Дорогая, – рыдая, проговорила мама, – Фокс больше не вернется.

– Это неправда, – возразила я. – Это неправда. Я видела, как он шевельнулся. Я уверена в этом, как в своем дыхании. Он пошевелился, но теперь не может выбраться. – Звуки слетали с языка сухо и формально. Мне казалось, будто мой рот – портал для чужих слов. Я слышала Фокса. Видела его движения. Мысленным взором могла проникнуть сквозь тяжелую каменную плиту, почву, грязь и разложение. Наблюдала за тем, как мой брат открывает глаза.

Я бросилась к могиле. Путь мне преградили Вульф¹¹ и Хоук¹², но я, нырнув под их крепкие руки, проскользнула дальше. На миг я представила себя той, в честь которой был назван мой брат: сильной, ловкой, убегающей от преследования гончих собак лисицей. Но этот мираж быстро исчез, и вот я снова все тот же спотыкающийся и падающий ребенок. Навстречу мне устремилась земля, наградив колени и ладони ударом сотни ножей. Холодный могильный камень обагрила свежая кровь.

Голова взрывалась от множества звуков и странного гула, в котором слышался голос брата. Он просил, умолял и давал ответ на вопрос, который я не успела произнести вслух. «Да, Тия, – шептал мне Фокс. – Да, я хочу».

Нельзя закапывать его в землю, когда сам он не хочет умирать.

Передо мной вдруг вспыхнул странный символ. И я, не задумываясь, стала обводить окровавленными пальцами его узор. Снова, снова и снова. Пока братья не схватили меня за пояс и не оттащили назад.

– Девочка моя, да что на тебя нашло? – изумлялся отец, сотрясаясь от гнева. – Твоему поведению нет оправдания, и уж тем более у могилы брата!

Но все дальнейшие упреки застыли на языке, когда земля содрогнулась. Под ногами раздался страшный грохот, почва поднималась. В глубине могильного холма послышался глухой треск, словно что-то выбралось из своего заточения в гробу. Из земли показалась холодная серая рука. Она вытягивалась и хваталась за пучки травы, окружавшей могилу. А после из земляной темницы с трудом поднялось неизвестное существо и отряхнуло грязь со своей высокой тощей фигуры. Мама тут же упала в обморок.

Создание подняло голову, и я увидела лицо своего брата – осунувшееся, безжизненное и мертвое.

– Тия, – прошептал незнакомец.

А потом улыбнулся. И передо мной предстала спокойная, добрая улыбка Фокса.

Сама пещера была обставлена скудно: два стула, табурет, длинный деревянный стол и маленькое изысканное зеркальце на стене, возле которого стоял еще один столик, заставленный различными стеклянными пузырьками. Повсюду висели причудливые украшения из цветов – яркий взрыв среди мрачной обстановки. Помещение разделяла перегородка, сооруженная из веток, за которой хозяйка, возможно, переодевалась и спала. Несмотря на внешнюю простоту, она все же украшала жилище.

Возле входа меня ждала небольшая койка, обустроенная, как мне сказали, на время моего пребывания. Девушка выложила на деревянный стол два принесенных ею камня, добавив

¹¹ Wolf – волк (англ.).

¹² Hawk – ястреб, сокол (англ.).

их к ряду из шести других, похожих по форме, но отличных по цвету. По центру располагалась отполированная до блеска шкатулка.

– Поначалу многие аши заболевают, – сказала девушка. – Одни страдают легким головокружением, у других на несколько часов наступает жар. Но для Костяной ведьмы все это может оказаться смертельным. У меня на выздоровление ушло три дня.

– Тогда мне приснился удивительнейший сон. Будто я нашла черную кошку и спрятала ее в своей комнате. Прелестный котенок с блестящей шерсткой и мягкими лапками. Ко мне приходили люди с расплывчатыми лицами, спрашивали о нем, выискивая его своими настроженными глазами. Но я им лгала, не знаю почему. Лишь понимала, что важно ничего не говорить. Точно случится что-то ужасное, если они его обнаружат.

– Иногда этот котенок менял форму. То он превращался в черное платье, то в темную маску, то в прекрасный обсидиановый камень. Но во сне меня совершенно не беспокоило то, что мой кот не всегда остается в своем обличье.

– В конце концов кот обратился величественным мечом. Он был черным, подобно мраку, тьма перетекала по нему от рукояти к лезвию. Тогда я поняла, что больше не должна его скрывать, и подняла меч.

– Но вот сон закончился, и я проснулась.

Девушка отхлебнула из деревянной чаши и тихонько усмехнулась.

– Порой я думаю: случись все по-другому, умерла бы я тогда? Возможно, этот сон стал для меня своеобразным предсказанием – ознаменованием грядущего. Но я не умею предсказывать будущее, как жрица или моя сестра Лилак. Я владею совершенно иной магией.

Ее пальцы скользнули ниже, коснувшись длинного выпуклого шрама на бедре.

– И, похоже, сейчас я способна заглянуть лишь в прошлое.

2

Ведьма была прекрасна. Ее длинные, обласканные солнцем волосы развевались за спиной желтым плащом, а из темных глазниц смотрели голубые самоцветы. Она казалась молодой: насколько шестидесятилетняя женщина, скрывая свой возраст, может выглядеть в двадцать лет. Она совсем не походила на Костяную ведьму – кроткая, миловидная и грациозная. Однако в Найтскроссе все боялись ее.

Позже мама рассказала мне, какой страх эта женщина вызвала своим первым появлением в нашей деревне. Она въехала на необычайной красоты пегой лошади с блестящей каштановой гривой, а сама, будто подражая цветам океана, была облачена в платье всех оттенков синего и темно-зеленого. Подол платья украшали серебристые рыбки, которые с шелестом юбок то выныривали, то исчезали. Талия перехвачена бледно-лиловым поясом с рельефным узором из жемчужин. Золотистые волосы собраны длинными шпильками с драгоценными камнями, которые вспыхивали при каждом движении головы.

На шее покачивалась цепочка с сердцем. Его гладкую зеркальную поверхность опоясывали кованые золотые переплетения и крошечные камушки.

Но при этом сам кулон оставался пустым.

– Старая карга, – молвил самый храбрый из толпы. – Ворона.

Однако с ее приближением исчезал даже самый бесстрашный или же его уводили более благоразумные жители. Все знали, что она опаснейшая из ведьм – демон в женском обличье. Только король считал иначе. Чем бы ни была вызвана трусость, людей нельзя назвать предателями или глупцами.

В деревню женщина прибыла через два дня после неудавшихся похорон, новости о которых еще не достигли Мерквика, ближайшего поселения в пятнадцати лье к востоку. Она молча шагала по дороге, ведущей к площади, а за ней невольно следовали жители. Ведьма направлялась прямо к моему дому, где в кузнице родители заперли Фокса, спрятав его подальше от напуганной толпы.

– Миледи, – обратилась женщина к Лилак, – буду вам признательна, если вы утихомирите собравшихся на улице людей. Не очень бы хотелось, чтобы ваше имущество сгорело по столь жалкой причине. – Затем она повернулась к Роуз: – А вас, миледи, я попрошу принести мне измельченный кизил, зверобой, лавандовое масло и воду для умывания.

Роуз и Лилак – почтенные и уважаемые ведьмы по сравнению с женщиной, внушающей страх, проклятой Костяной ведьмой, – сразу же бросились выполнять ее приказ.

– Где она? – последовал новый вопрос, и отец показал ей нашу комнату. Она обнаружила меня в кровати. Я лежала, свернувшись калачиком, а мой лоб горел после недавнего приступа магии.

Я находилась в забытии, а потому не помнила происходящего. Но мама все мне рассказала. Ведьма омыла мое лицо и грудь отваром из горьких трав и сладкой воды. Высыпав в чашу шалфей и красно-желтую смесь, она небольшими дозами вливала мне в рот этот раствор. С наступлением сумерек, когда в небе замерцали крошечные звезды, жар спал. Пылающее в сознании пламя истлело, и я безмятежно проспала до рассвета следующего дня, пока мой сон охраняла ведьма.

Наутро моя болезнь прошла, а, проснувшись, я увидела в кресле у изножья кровати спящую женщину. Я села и стала изучать свою гостью. Ее силуэт окружала легкая дымка – мягкое сияние, знакомое и пугающее одновременно.

– Первым я призвала своего отца, – не открывая глаз, произнесла женщина. – Даже не знаю, что тогда на меня нашло. Хотя я и была его дочерью, относился он ко мне как к своей собственности. Не давал и капли свободы, заставлял носить женские платья и учиться шить. Проживи он дольше, наверняка запер бы меня в женском монастыре или отдал замуж за богатого торговца. Видимо, так я хотела доказать ему, что достойна быть не просто очередным приданым. Однако, будучи мертвецом, он не мог мной помыкать, как при жизни, и очень сильно этому сопротивлялся, так что я быстро его упокоила. В награду за это меня четыре дня тошнило. Ты же обошлась всего двумя днями недомогания. Кстати, меня зовут Микаэла. Должно быть, ты слышана обо мне.

Шесть месяцев назад один странствующий торговец рассказывал моему отцу о дэве, наводящем страх на город Лардбрук в девяноста лигах¹³ от нас. И сказал, что его убила странная женщина по имени Микаэла из Пустошей. Больше ни у кого в Одалии не было таких светлых волос и бледной кожи.

Я задрожала.

– Да. Вас называют Костяной ведьмой.

– Твои родители говорят, что ты развита не по годам. – Женщина улыбнулась, и за алыми губами сверкнули два ряда белоснежных зубов. – Признаться, это не самое худшее прозвище, которое мне давали. И которое дадут тебе.

Костяных ведьм не слишком-то уважают. Поговаривают, что они одним касанием пальца насылают на невинных принцесс сонную болезнь. Едят сердца детей, заблудившихся в лесу. Костяные ведьмы, вопреки всем своим заверениям, не служат Восьми Королевствам – они используют руны Тьмы, как Лжеправитель и его Безликие последователи. Костяные ведьмы собирают армии из мертвецов. И могут призвать дэва, вроде того, что убил Фокса.

Мое сердце забилося чаще, грудь сдавило.

– Вы и моего брата упокоите?

– Нет. – Женщина начертила в воздухе неизвестный символ. – Все происходит не так. Он – твоё творение, не мое. Твоему брату неизвестно, когда его призовут, а ты не знаешь, когда получишь отклик. Но в отличие от моего отца Фокс Пехлеви, как мне кажется, желает быть здесь. Ты можешь призывать мертвых, и они будут приходить, потому что жаждут снова ощутить вкус давней жизни. Но мертвых невозможно привязать без их согласия и вынудить остаться – это первое правило Тьмы. А твой брат не хочет уходить.

Меня вновь затошнило. Я не хочу быть Костяной ведьмой. Я не могу ею быть. Лилак обещала мне бриллианты, платья и прекрасного принца.

– А что, если я не хочу?

Светящиеся глаза женщины внимательно впились в меня.

– А ты знаешь, что некрасиво врать тому, кто спас тебе жизнь?

Я отвела взгляд, потому что она была права. Я не хотела, чтобы она, сидя в моей комнате, раскрывала правду, которую я не желала слышать. Я не хотела думать о том, что мой брат по

¹³ Лига – единица измерения расстояния, равная 4,82 километра.

моей прихоти теперь застрял между миром живых и мертвых. Но мне нравился вкус обретенной магии. Пальцам хотелось снова вывести в воздухе тот изящный узор, извлечь руну из моего сознания. Я до сих пор ощущала во рту привкус заклинания, словно вкус сладких персиков или шелковистого меда, взрывающегося сладостью на языке и плавно стекающего в горло.

– Тьма – алчные руны. Нарисуй их раз, и уже не сможешь владеть другой магией. Тьма – ревнивые руны. Невозможно, сражаясь с тенью на стене, применить руны Огня, Воды, Земли и Дерева. Но что еще важнее, Тьма – коварные руны: они пробираются в твою голову, когда ты меньше всего этого ожидаешь, и творят с твоими мыслями все, что захотят. Поэтому за тобой нужен глаз да глаз.

– За мной не нужно присматривать, – из упрямства возразила я.

Ведьма гоготнула – странный звук для столь изысканной особы.

– Ты права, дитя. За тобой не нужно присматривать. А мне стоило остаться в своем ашака в Анкио и позволить Тьме пожирать останки твоих костей. Тогда твоим родителям пришлось бы вместо одних похорон устраивать пару. – Она вздохнула. – У нас с тобой выбор невелик. Таков закон: если не служишь королевству, тебя найдут Безликие. Так какой путь ты предпочтешь: стать Костяной ведьмой или предателем?

Я судорожно вздохнула. Это правда – я обязана ей не только жизнью, но и своим доверием.

– И что будет дальше?

– Мы отбудем в Анкио, как только ты встанешь на ноги.

Я замерла. Никогда раньше я не покидала свою деревню и уж тем более не бывала в Ниве, столице Одалии. А, насколько мне известно, Анкио располагается еще дальше – за пределами Одалии, в королевстве Кион.

При виде моего лица, охваченного горем, Микаэла улыбнулась.

– Тия, мне еще многому предстоит тебя научить, а это не очень удобно делать, если страх местных жителей будет мешать нам. Твоя семья сможет навещать тебя, когда захочешь. Да, путь неблизкий, но при условии, что ты будешь учиться хорошо, их расходы оплатит наш Дом. Ну и брата твоего мы возьмем с собой.

– А вы сможете ему помочь?

Леди Микаэла обернулась ко мне, и только тогда я заметила, насколько же она стара. Эта старость выражалась не в количестве прожитых лет, а во множестве событий, которые большинство людей никогда и не видело.

– Милое дитя, мертвым нельзя помочь, – проговорила она, – а вот смерть может помочь нам.

Когда дверь кузницы отворилась, Фокс не выказал ни малейшего желания кого-нибудь съесть. Хотя еда бы ему не помешала: мертвенно-бледная кожа, красные круги под глазами. Пока леди Микаэла его осматривала, он послушно стоял на месте. Сбоку топталась миссис Друри и злобно поглядывала на меня. Все остальные перешептывались между собой и тоже косились в мою сторону – так смотрят на Костяных ведьм.

– Ты выглядишь лучше многих, кого мне доводилось видеть. – Женщина протянула руку и пригладила волосы Фокса. Мамина рука произвольно дернулась в ответ. – Пальцы на месте, ум ясный. Тебе комфортно в этой коже?

– Чувствую себя не очень уютно, – признался Фокс.

– Простите, – на этот раз Микаэла обращалась к моим родителям, – но Тие находится здесь небезопасно. Особенно когда среди жителей бытует столько предрассудков. Однако это поправимо. Вашей дочери необходимо учиться, иначе Тьма проделает в ее сердце дыры и поглотит изнутри. Тогда от нее останется одна лишь оболочка.

– Ты хочешь этого, Тия? – спросил отец, как будто у меня был выбор.

Конечно же я не хотела, но ничего не поделаешь. Теперь я отвечала за Фокса, как он – за меня до ухода в армию.

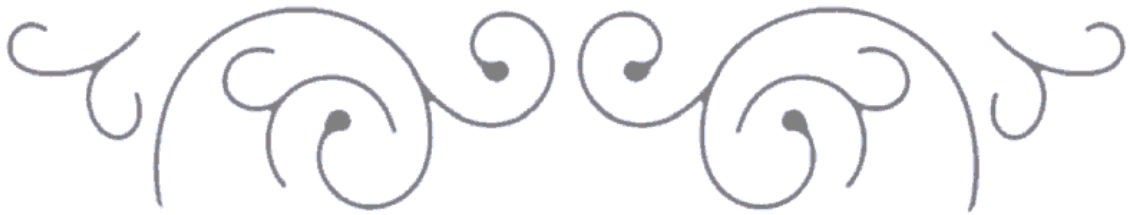
– Я буду защищать своего брата, – медленно выговорила я, пробуя слова на слух.

В ответ на такое смелое заявление брат улыбнулся, хотя глаза его при этом ничего не выражали.

– Скоро мы отправимся в путь, – проговорила Костяная ведьма, – но прежде я должна сделать еще кое-что. Возможности насладиться днем руны Сердца у тебя не будет, так что пусть это станет небольшим утешением.

Она протянула мне самое прекрасное стеклянное сердце, которое я когда-либо видела, – золотые листья, переплетаясь между собой, обвивали стекло со всех сторон. Его бледность оттеняли камни рубина и берилла. Охваченная дрожью, я позволила Лилак застегнуть цепочку у меня на шее.

В этот миг леди Микаэла из Пустошей начертила в воздухе символ. Я лишь ощутила легкое потягивание в груди, когда Костяная ведьма вынула мое сердце и заключила его в стеклянный сосуд. В это раннее пасмурное утро оно засверкало – не розовым и красным, как у моих родителей, братьев и сестер, и даже не пурпурным, как у моих сестер-ведьм. Оно сияло серебристо-белым.

Еду она приготовила по старинке, пользуясь нехитрыми приспособлениями: металлический котелок повесила над небольшим костром, вместо ложек у нас были раковины от устриц, а тарелки заменяли кокосовые скорлупки. Мне она предложила настоящий пир горой: бедро индейки в подливке, фаршированное шалфеем и тимьяном; свежий хлеб, будто только из печи; и рыба в пикантном соусе из яблок и глазированных лимонов. А довершила все превосходная бутылка дорогого вина из знаменитых виноградников Тресей.

– Я подготовилась, – с улыбкой пояснила она, заметив мое удивление. – Продукты мне из ближайшего города поставяет торговец, который не задает лишних вопросов. В большинстве случаев деньги бывают красноречивее любых убеждений. А ты думал, я буду тут питаться объедками, имея в своем арсенале другие способности?

Ее еда в отличие от моей оказалась намного проще: стакан воды, несколько фруктов, сырые овощи и порция рунных ягод.

– Никогда раньше мне не доводилось пробовать вино из рунных ягод. Я предпочитаю есть их сырыми.

– Они собраны не на Горе Чужаков.

Ягоды, растущие в этом безлюдном месте, обычно были меньше, круглее и походили на коричневые персики. Эти же плоды казались больше и выглядели бледнее.

– А в Мерквике. Слышал о такой местности?

– Но, госпожа Тия, ведь эти рунные ягоды даже хуже тех, что подают ученицам аша.

– Верно. Но они напоминают мне о моих годах в аша-ка, в качестве послушницы. Тогда я ненавидела их терпкий вкус и все ждала, когда же повзрелею и смогу, как истинная аша, пить вино из них. А в шестнадцать лет разочаровалась в нем – оно показалось мне слишком пресным. Так что, насколько бы ни был отвратителен сей фрукт, я привыкла к нему.

Она выбрала самый большой ломтик, поднесла его к губам и откусила. Быстро прожевала и закрыла глаза.

– Иногда полезно напоминать себе, какова горечь на вкус.

3

Спустя четыре часа мы прибыли в деревню Мерквик, где собирались приобрести все необходимое для нашего путешествия в Кион и найти нам с Фоксом лошадей. Мерквик в отличие от Найтскросса имел две особенности. Жители моей деревни в основном занимались сельским хозяйством, в то время как местные торговали рунными ягодами. И по сравнению с Найтскроссом Мерквик встречал Костяных ведьм с распростертыми объятиями.

Рунные ягоды – своевольные и упрямые плоды, объясняла леди Микаэла. Они произрастают только там, где росли их предки, но тут же сохнут, стоит их пересадить в незнакомое место, пусть и с плодородной почвой. Самые лучшие плоды встречаются на Горе Чужаков, где холод пробирает до костей, и только крепкая *кольцея*, отвратительная на вкус, может разогнать стынущую в жилах кровь. Или в далеких пустынных скалах Дрихта, где стебли ценят больше ягод и продают самым знатным во всех Восьми Королевствах мастерским, которые вплетают их в одежду. Самые мелкие ягоды встречаются в деревне Мерквик, где времена года очень медленно сменяют друг друга. Но при всем этом плоды по-прежнему очень желанны для тех, кто не видит различий.

За рунные ягоды староста деревни отказался брать деньги, а местные жители глядели на Микаэлу с благодарностью на грани поклонения. Только позже я узнала причину такого поведения, когда ко мне подошла молодая девушка и робко спросила, не дочь ли я аши.

– Она Костяная ведьма, – без раздумий ответила я, – а не аша. И я ей не дочь.

Улыбка девушки погасла. Не успела я опомниться, как она больно ударила меня по щеке. Я отшатнулась.

– Как ты смеешь оскорблять леди Микаэлу! – рявкнула она и снова замахнулась.

Но Фокс перехватил руку девицы, крепко сжав ее запястье. Она вырвалась, злость на ее лице сменилась страхом. И не оглядываясь, она бросилась прочь.

– Тия, все Костяные ведьмы – аши, – пояснил Фокс, – хотя первое название большинство сочли бы оскорблением.

Щека горела от удара. Я даже не думала, что могу кого-то обидеть своими словами. Утонченная леди Микаэла носила платья, которые, по моему мнению, надела бы аша, но я и представить не могла, чтобы ее так обожали люди и принимали за богатую благородную особу, как в книгах об ашах.

– Жители Мерквика очень любят Микаэлу, – продолжал Фокс. – В отдельных городах ее магия запрещена, да и во всей Одалии с подозрением относятся к заклинателям. Но все же остаются те части королевства, где это не имеет большого значения.

Мне хотелось о многом его расспросить, но я не решалась. Глядя на своего брата, я не могла избавиться от ощущения, что вижу перед собой живой труп. И, несмотря на терпеливые

разъяснения леди Микаэлы, все равно боялась изменений, которые могла принести смерть, – вдруг в его теле скрывается что-то иное. Он больше не носил стеклянное сердце, с лица не сходила бледность, а ноги при ходьбе время от времени скрипели и дергались. Но Фокс ни на что не жаловался и со стойкостью, неприсущей мне, сносил свою смерть. В отличие от нас ему не требовались еда и сон. Пока леди Микаэла совершала покупки, он терпеливо ждал.

Однако кое-что я все же заметила. Передвигаясь, Фокс не отбрасывал тени. Быстро обернувшись, я с облегчением отметила, что хотя бы моя тень на месте.

Если жители и знали об участи моего брата, то не подавали виду. Он вел себя тихо, говорил мало – как, впрочем, и при жизни. Но все равно что-то было не так. Он оставался спокойным и уверенным, глаза излучали доброту, и все же крохотная необъяснимая искорка, которая делала его *Фоксом Пехлеви*, исчезла. Это тайное чувство вины я еще долгие месяцы носила в себе.

Фокс улыбнулся мне. Весь остаток дня он почти не разговаривал и всегда держался поблизости. Думаю, он знал о моих страхах, но не пытался меня разуверить.

Позже леди Микаэла отвела меня на поля, где созревали рунные ягоды. Их посадили всего день назад, и уже за ночь из крошечных почек пробились тонкие стебли с цветами, которые вот-вот распустятся. Пока я восхищенно их разглядывала, лепестки раскрылись, и моему взору предстали яркие шары с переливающимися бриллиантами по центру. Стоило мне приблизиться к ним, как они тут же тускнели, а когда никто их не видел, взрывались цветом. Жители деревни собирали опавшие черные семена, оставшиеся от собранных плодов, чтобы снова посадить их после сбора урожая.

– Они помогут нам продержаться до Киона, – сказала Микаэла. Вместо того чтобы выжать из них сок и сделать вино, она попросила жителей порезать плоды на кусочки, которые запивала ромашковым чаем. От их горечи у меня жгло язык, но Микаэла требовала все съесть. – В течение года, начиная с сегодняшнего дня, съедай по одной каждое утро. Потом дважды в месяц – чаще, если сможешь.

– Что-то я не помню, чтобы мои сестры ели такое на завтрак.

Мне ужасно не нравилось, как ягодное послевкусие обволакивало язык, на долгие часы перебивая все остальные вкусы.

– Ты не Лесная ведьма и уж тем более не Водяная. Твои сестры – колдуньи, а не заклинательницы. Они не обладают той магией, которой владеем мы. Нам же, Костяным ведьмам, по понятным причинам нужна сила. Рунные ягоды насытят кровь железом, а выправку – сталью.

– А почему вы называете себя Костяной ведьмой, а не ашей?

Леди Микаэла принялась складывать рунные ягоды в большие седельные сумки, прежде чем ответить:

– Тия, я и *есть* аша. А еще Костяная ведьма. Одно невозможно без другого. И нам обоим нужно помнить: всегда найдутся люди, которые, независимо от твоего первого звания, станут осуждать за второе. Но секрет, Тия, заключается в том, чтобы гордиться и тем и другим – как хорошим, так и плохим. Это качество поможет тебе добиться своего, кем бы тебя ни считали.

– Госпожа Микаэла? – К нам подошел один из жителей – юноша с грустными глазами, в его стеклянном сердце изредка пробежали голубые искры.

Я ничего не поняла, но леди Микаэле все было ясно. Она вынула из сумки небольшой мешок и движением руки попросила нас с Фоксом следовать за ней.

Мальчик привел нас к невысокому дому. Внутри на кровати лежала пожилая женщина с затуманенными от жара глазами и стонала. Леди Микаэла аккуратно откинула одеяло и осмотрела стеклянное сердце, отливающее зеленым цветом на ее груди.

– Разрушение костей, – заключила она. – Для ее возраста не редкость, но процесс перешел в последнюю стадию. Мальчик, как тебя зовут?

– Таннер, миледи.

– Вскипяти мне воды, Таннер, и принеси чистую миску.

Леди Микаэла достала из мешка свертки и пузырьки, набитые различными видами сушеных трав. Смешала их в чаше – щепотку этого, горсть того, – разделила на небольшие части и рассыпала по бумажным пакетикам. Все это она проделала уверенными движениями: подобное происходило не впервые. Содержимое одного из пакетиков она высыпала в горячую воду.

– Это смесь из корня бузины, шалфея и адальта. Пусть твоя бабушка выпивает по чашке этого отвара три раза в день, после еды, – наставляла она. – Когда он закончится, завари новый. Запомни, на один чайник – один пакет. Этого количества должно хватить на четыре месяца, но к тому времени я надеюсь вернуться.

– Госпожа Микаэла? – В дверях появилась еще одна молодая женщина. Ее муж при падении сломал ногу.

Так мы и ходили за леди Микаэлой от дома к дому, исцеляя больных и раненых. Я все не могла понять, как аша узнает причины их недугов по одному лишь взгляду на стеклянные сердца. Но вскоре заметила закономерность: у больных они отливали зеленым, а у встревоженных членов семьи – голубым. Безразличие выражалось в оранжевом цвете, а страх – в желтом. У здоровых и счастливых людей сердца светились красным. За помощь моя наставница ничего не просила, оттого мое замешательство росло с каждым новым больным. В книгах говорилось, что аши могут исцелять болезни, но, как мне казалось, при помощи магии. На деле же все оказалось иначе.

Жители накормили нас простым ужином из хлеба и овощей, однако аша почти не приоткрылась к еде. Наш обход закончился лишь к вечеру, и староста деревни, сославшись на поздний час, предложил нам остаться на ночь.

– Тебя что-то беспокоит, Гарен, – с улыбкой заметила леди Микаэла. – Я вижу это по твоему сердцу.

Я взглянула на кулон старосты и увидела слабую голубую рябь на его поверхности.

– Вы правы, госпожа, – признался старик. – Я встревожен. Завтра седьмой день седьмого месяца, и... близится тот час, когда... когда *оно* снова пробудится. Из всех деревень его ярость в первую очередь обрушится на Мерквик. И я очень боюсь...

– Я не забыла, мой друг, – перебила его леди Микаэла. – Не переживай. Я разберусь с этим завтра, как и всегда.

– Мы навеки в долгу перед вами, леди Аша. Вам нужно что-то еще?

– Да, две вещи: лопата и, наверное, небольшой меч для сэра Фокса.

– Я приготовлю их к вашему отъезду. – Мужчина поклонился. Голубое свечение померкло, и его стеклянное сердце вновь засияло красным.

По просьбе старосты нам выделили самую большую комнату в единственной гостинице Мерквика, «Танцующей Руне». Фоксу хозяин предложил поселиться в соседней спальне, но тот отказался, заявив с невозмутимым видом, что мертвым не требуется сон. Уверена, подобный ответ встревожил мужчину, но мой брат не из тех, кто станет подбирать слова.

Все время пока мы ходили по деревне, я ощущала присутствие Фокса, с удивлением обнаружив между нами пусть и слабую, но связь.

– А чего ты ожидала? – усевшись на кровать, спросила леди Микаэла. Свое сине-зеленое платье она сменила на шелковый халат, больше подходивший для сна. Даже нижнее белье этой женщины вызывало восторг. По сравнению с ним моя грубая сорочка смотрелась неуместно и неприлично. – Связь между ашей и ее фамильяром очень крепка, ее трудно разорвать. Ты сама все знаешь, когда мы окажемся в Кионе.

– А что должно произойти завтра?

Женщина аккуратно вынула из мешка какой-то круглый предмет, завернутый в бумагу. Развернула его, и я увидела черный камень – потрескавшийся, истертый и покрытый плесенью.

– Это безоар, – пояснила она. – Только что обретенный, он является мощным противоядием от большинства болезней. Но спустя несколько дней от него даже пепла не останется. Поэтому завтра мы добудем новый. – Она нырнула под одеяло и посмотрела на меня. – Можешь спрашивать у меня все, что угодно. Уверена, у тебя накопилось много вопросов.

– Я заметила, что у местных жителей цвета их стеклянных сердец меняются. Никогда раньше такого не видела.

– После первого применения рун Тьмы ты начинаешь более чутко реагировать на магию. Вот и все. Тия, существуют три вида заклинателей аша. Первые – аши-исполнительницы, славящиеся своими танцами и пением, но обладающие более слабой, чем у остальных, магией. Вторые – аши-воины, знамениты своей магией и доблестью, но считаются не самыми радушными хозяйками. Третьи – Темные аши, как мы, самые сильные из всех.

– Значит, мои сестры – тоже аши?

– Твои сестры способны почувствовать магию, но их пурпурные сердца говорят о том, что они недостаточно могущественны, чтобы считаться даже слабейшими из аш. Да, из них действительно выходят отличные аптекари и портные, однако они не умеют подчинять магию своим желаниям. На староруническом языке слово «аша» имеет два значения: «правда» и «заклинатель». Это мы и обязаны делать – укрощать магию и подчинять ее нам. Возможно, Роуз и хорошая целительница, тем не менее она не способна заметить болезнь в стеклянном сердце. А Лилак – великолепная прорицательница, но не может призвать даже огонь. Они умеют выводить руну Сердца, однако на этом их способности заканчиваются. Тебе не кажется странным обычай носить стеклянные сердца даже в самых отдаленных деревнях?

– Поживившись, мои родители обменялись сердцами в знак своей любви. И ни разу за двадцать лет брака не потеряли их. – Тут мой взгляд предал меня: он скользнул по шее леди Микаэлы и опустился к ее пустому сердцу. Я сразу отвела глаза, но улыбка ведьмы уже померкла и превратилась в гримасу, словно женщина отведала что-то кислее рунных ягод. На какой-то миг она показалась мне печальной – я испугалась, что снова оскорбила ее.

– Это лишь доказывает преданность твоих родителей, – наконец промолвила она. – Но в первую очередь стеклянные сердца служат для того, чтобы находить людей, наделенных магией, и обучать их. Тем не менее порой встречаются и такие, как ты, кто, не дожидаясь тринадцатилетия, проявляет свои способности. Мне повезло оказаться рядом в нужный момент и почувствовать Тьму, с помощью которой ты призвала Фокса. Иначе все могло закончиться плачевно.

Набравшись смелости, я спросила:

– Леди Микаэла, а что стало с вашим стеклянным сердцем?

Ответом мне была тишина. Она отвернулась и задула свечи. Комната погрузилась в темноту. Я лежала в постели и прислушивалась к ее движениям, скрипу матраца. Когда женщина снова заговорила, ее слова звенели, как стальные молоты:

– На сегодня хватит вопросов. Завтра нам рано вставать.

Не так-то просто уснуть в новой обстановке. Мне не хватало моей кровати в Найтскроссе, и я уже скучала по своей семье. Я думала о стеклянных сердцах моих родителей, о сердцах, которые постоянно теряла Дейзи. Наконец узнав правду, я чувствовала себя обманутой. Объяснение леди Микаэлы казалось мне каким-то банальным и не таким захватывающим, как описывали в книгах.

А еще, выходит, я – аша. Столько всего произошло, что у меня не нашлось времени обдумать случившееся. Все мои детские игры в знаменитых аш теперь звучали нелепо. Вот что значит быть Таки из Шелка и Надин из Шелеста, да? Неужели их также вырвали из любимых семей и отправили в чужие края, потому что магия, подарившая им славу, не оставляла выбора?

С такими мрачными мыслями я уснула. Среди всех странных событий только ощущение тихого присутствия Фокса меня успокаивало. Пусть и мертвый, но он единственный близкий человек, который у меня остался.

На пляже поднялся сильный ветер, взметая облака пыли и укрывая все слоем песка. Только могила оставалась нетронутой и чистой. Девушка опустилась перед ней на колени и прикоснулась к тяжелому камню, установленному в изголовье. Полила растущие по краям зеленого участка бутоны цветов.

– Что люди говорят обо мне?

– Моя госпожа, они считают, что ты окончательно перешла на сторону Тьмы, присоединилась к числу Безликих и теперь готовишь народ лжи к войне.

– И ты им веришь?

Я решил говорить правду:

– Не знаю, миледи.

– Что ж, я не могу тебя в этом винить. Три лидера, вставшие во главе Безликих, тоже обращаются к Тьме. Поэтому чаще всего нас не различают. Усиж возглавляет южную фракцию – он строит крепость в горах Даанориса и считает себя королем, но это лишь хвастовство. Друж немного хитрее – он сеет раздор на западе, и все города-государства Ядоши готовы отдать мешки денег за его голову. А что касается Аены, последнего лидера... – Девушка замолкла. На ее губах появилась странная горькая улыбка. – О ней известно немного, только то, что она родом из Тресеи.

– Госпожа Тия, кто похоронен здесь? – спросил я.

Ее платье покрыли грязные пятна от травы, когда она легла возле могилы, прижалась щекой к земле и грустно промолвила:

– Юноша, который умер за меня.

4

В двадцати милях от Мерквика, в лесах, прятался невысокий холм. К нему не вела ни одна дорога, и чтобы найти точное место, нужно было с самого начала знать его расположение.

– Это существо многие годы спокойно охотилось в этих лесах и убивало заплутавших жителей деревни, – рассказывала Микаэла. – До тех пор, пока одна аша, жившая более сотни лет назад, не распознала в нем дэва и не покончила с ним. Я зачастую, путешествуя по этой части Одалии, исследую его живот. Но даже после смерти дэвы могут быть опасны. Это знание еще в молодости далось мне высокой ценой. До сих пор в холодную погоду у меня начинает болеть плечо.

– Его *живот*? – С растущим страхом я уставилась на холм.

Фокс присел возле него на корточки, в его глазах горел жадный огонь. Рука теребила эфес¹⁴ меча, пристегнутого к поясу.

– Фокс, отойди от него, – предупредила леди Микаэла. Она вынула разлагающийся безоар и положила его на большой камень. – Думаю, не стоит напоминать, что может произойти.

– Тем больше причин держаться поблизости, – ответил он. – Я и раньше видел дэвов. Как и Тия, много читал о них в книгах. А потому знаю, чего можно ожидать.

– В книгах о многом не упоминают. Одно дело узнать о них из историй и совсем другое – на собственном опыте. Насколько я помню, с последним ты справился не очень. – Аша достала нож и сделала небольшой надрез на указательном пальце, чем еще больше удивила меня. – Спрячь Тию за теми деревьями. Вам точно не понравится сущность этого дэва с близкого расстояния. И что бы ни происходило, не смотрите ему в глаза.

Я потянула Фокса за рукав, не дожидаясь, пока он подчинится указаниям. Как только он отвел меня в сторону, ведьма принялась окровавленным пальцем чертить в воздухе странную руну. Кровь, вместо того чтобы капать на землю, тянулась вслед за ее движениями, обагрив нарисованный символ. Тот пульсировал, словно в нем теплилась жизнь.

Поднялся ветер. Я уловила слабые потрескивающие разряды невидимой энергии, но даже их было достаточно, чтобы у меня на руках волоски встали дыбом. Теперь я поняла, как аша смогла почувствовать мой призыв Фокса. Тебя словно ударяет молнией, но боли ты не чувствуешь. Я ощутила, как скопившаяся вокруг руны магия устремилась к насыпи и зарылась в глубину.

¹⁴ Эфес – часть клинкового холодного оружия, состоящая из гарды и рукояти с навершием.

На этот раз все было по-другому. Тот призыв Фокса казался мне правильным. Сейчас же мой разум, подобравшись к магии леди Микаэлы, соприкоснулся с грязью и гнилью – это был не столько зловонный запах, сколько ужасающая мысль.

Безоар вспыхнул и рассыпался в пыль. Вскоре от него не осталось и следа.

Из кургана с яростным ревом вырвалось существо. Отвратительное жирное чудовище состояло из частей разных животных, собранных воедино. Размером с огромного буйвола, с гривой на голове, представлявшей помесь барсука и льва. Длинные и гибкие ноги, как у оленя, заканчивались раздвоенными копытами. Оно повернулось к нам, с его челюстей, растянувшихся в оскале до самых ушей, стекала пена. Всю пасть занимали острые зубы. Привлекательными можно было назвать только глаза, напоминавшие серебристые драгоценные камни с красными прожилками.

Чудовище взвыло – пугающе человеческий звук.

Но слишком поздно я вспомнила предупреждение аши. Наверное, тварь распознала во мне самую легкую добычу, потому как, выбравшись из могилы, устремила на меня свой взгляд. Я застыла.

Оно выдало низкий утробный звук. В его рубиновом взгляде было что-то ужасно пленительное. Как бы мне ни хотелось бежать, я будто приросла к месту.

Чудовище рвануло в мою сторону, но тут между нами возник Фокс с оружием наготове. Его меч оказался на уровне груди существа. Не обратив на него внимания, тварь зарычала и прыгнула вперед, едва не накрыв его собой.

– *Хватит!*

Я почувствовала, как энергия, которую удерживала леди Микаэла вокруг руны, теперь была направлена на существо. Заклинание крепко опутало дэва, пригвоздив того к месту. Он пошатнулся, его уродливая морда оказалась всего в нескольких дюймах от лица Фокса. Рык резко оборвался, и несколько минут существо колебалось. Мой брат не уступал и твердо удерживал его взгляд.

Наконец сомкнув челюсти, существо нерешительно отступило назад.

– *На колени*, – тихим голосом приказала леди Микаэла.

Существо рухнуло на задние лапы и склонило голову.

– *Отпусти ее*.

Содрогаясь, я упала на землю – тело снова обрело подвижность.

– Потрясающе, – выдохнул Фокс и опустил меч.

– *Это таурви*, – пояснила Микаэла. – Быстрый как ветер, он исполняет заманчивую колыбельную. Безоар в его животе стоит дороже всего того, что может создать известная мастерская за много лет. Именно так он и завлекает своих жертв: парализует и подчиняет себе до тех пор, пока не поглотит целиком. *Возвращайся в свою могилу*.

Таурви больше не сопротивлялся. Он покорно скользнул к кургану, из которого вылез. Вскрикнул один раз – тонкий протяжный звук, подобный плачу юной девушки.

– *Умри*, – молвил суровый и беспощадный голос аши.

И существо погибло. Как только слово слетело с губ Микаэлы, оно провалилось в могильную дыру.

Женщина с ножом в руке приблизилась к чудовищу. Четыре быстрых отточенных движения – и ярко-желтый безоар лежит у нее в ладони. После того как она извлекла камень, существо рассыпалось в прах.

Леди Микаэла плотнее укуталась в плащ и вздохнула.

– Фокс, достань из седельных сумок лопату и верни могиле ее прежний вид.

– Простите. – Я до сих пор дрожала. Внезапное исчезновение заклинания странным образом повлияло на меня: мне почему-то хотелось и дальше ощущать его. Фокс обхватил меня рукой, и я с благодарностью приникла к нему.

– Тебе не угрожала опасность. – Леди Микаэла подняла безоар *таурви*, восхищаясь игрой света на его поверхности. – Но для тебя это станет хорошим уроком. Уверена, в следующий раз ты будешь более осмотрительна.

– В следующий раз? – слабо откликнулась я.

– Зачем вы вынули камень из его живота? – спросил Фокс, засыпая пустую яму.

– Дэвы были созданы Лжеправителем с помощью магии смерти, настолько сложной, что даже нынешняя аша не знает, как ее воссоздать. Рожденные мертвыми, они должны пребывать в спячке, пока Тьма непрерывно питает их кости. Однажды Пять Великих Героев узнали, как убить дэвов, и уничтожили шестерых из семи. Тем не менее каждые несколько лет их силой пробуждают, лишают безоара и отправляют обратно в могилу. Время сбора для *таурви*, погребенного здесь, наступает раз в десять лет. *Аквана*, лежащего в сотне лиг от моря Черепов в Даанорисе, поднимают каждые четыре года. А из хвоста *нангхаитья*, обитающего вдоль границ Киона, извлекают зеленый камень каждые семь лет. Чем ближе день воскрешения, тем сильнее разрушаются их безоары. А когда они исчезают, существа перерождаются, и цикл повторяется. Очень важно пробуждать их в определенный период времени – по меньшей мере за семь дней до воскрешения. А до тех пор они спят, не откликаясь даже на Тьму. Раскопай эту могилу через год, и не найдешь ни одной кости. Раскопай ее за неделю до сегодняшнего дня, и обнаружишь целое тело.

– А если не пробудить их, – медленно проговорил Фокс, – то они, набравшись сил, сами выберутся из могил и снова примутся убивать – как тот, что убил меня.

Микаэла кивнула:

– Полагаю, *саурва*. За него отвечала Сахмет – Темная аша, живущая в Истере. Мы долгое время ничего о ней не слышали, и я предполагаю худшее. Единственный способ снова их убить – это вырвать из тела безоар. Непростая работенка даже для обычной аши. Последнее проклятие Лжеправителя – тяжелое бремя, ничего не скажешь.

– Вы сказали, что Великие Герои уничтожили шестерых дэвов. А что с седьмым?

– *Ази*, самый свирепый и самый могущественный из дэвов, ускользнул даже от них. Никто не знает, где его могила. Из всех чудовищ этот самый скрытный, его не видели уже много тысячелетий.

– Значит, этим вы занимаетесь?

Неужели и мне теперь придется выполнять подобные поручения? Эта мысль всерьез меня напугала.

– Я занимаюсь этим почти пятнадцать лет. Другие аши, Искатели смерти и те, кто овладел мастерством магии в достаточной степени, тоже способны уничтожать чудовищ, хотя и с трудом. Лишь Костяные ведьмы умеют долго контролировать этих существ и лишать безоара. Пусть жители Одалии и не любят нас, дитя, но причина их неприязни кроется в том, что они обязаны нам. – Микаэла спрятала темно-желтый камень в мешочек на поясе. – А взамен мы приобретаем у них бесценные ингредиенты. Смешай безоар с соком из коры бузины и терпким грибом, и получишь лекарство от чахотки.

Я до сих пор ощущала на себе воздействие заклинания леди Микаэлы, сопровождаемое странным параличом. Пусть первая встреча с чудовищем мне и не пришлась по душе, но магию, которую аша использовала для его усмирения, я не могла назвать неприятной. Мои пальцы дернулись, и я без раздумий вытянула руку в поисках следов магии...

...и почувствовала, как Микаэла давит на мой разум. Аша вынуждала меня извлекать магии больше, чем я могла вынести. Невероятное, почти болезненное удовольствие...

– *Отпусти*.

...которое резко оборвалось, и я оказалась на земле.

– Это всегда приятно, – спокойно заметила Микаэла, – по крайней мере, поначалу. Но чем больше магии ты вбираешь за короткий срок, тем сложнее тебе оградить свой разум.

В какой-то миг тебе покажется мало, и ты станешь вытягивать все больше энергии, пока не умрешь от темной гнили. С этой зависимостью большинство Костяных ведьм не справляются, вот почему нас так мало. Я подчинила тебя, как то существо, пытаюсь показать, к чему приводит поглощение большого количества магии, ослабление защиты и передача власти над собой другому. Со временем я научу тебя контролю. Научу выдержке. И в следующий раз, вполне возможно, ты сама нарисуешь руну, но тогда все будет по-другому.

– Вы подвергаете ее опасности! – воскликнул Фокс и рухнул на колени рядом со мной. Я ощутила исходящую от него злость.

– Когда-то давно мне пришлось убить свою подругу-ведьму. Ее разумом завладел дэв, так что у меня не оставалось иного выбора. Теперь я жестока, потому что не хочу повторить свою ошибку, – ее мелодичный голос стал грубым. – Ты меня поняла, Тия?

– Да, – выдохнула я и сжала руку Фокса, дав понять, что мой разум прояснился.

Только что леди Микаэла назвала мне причину, почему Костяных ведьм так боятся: не потому, что мы можем контролировать дэвов, а потому, что способны подчинить себе разум любого существа.

– Тебе понравилось в Ниве? – спросил я.

Девушка сидела, глядя на океан из-под костей давно умершего чудовища – причина, по которой это место называют морем Черепов. Вода собиралась вокруг ее лодыжек и обволакивала подол платья цвета красной ржавчины. Скелет монстра образовывал над ней арку, опаленную жарким солнцем, которое до черноты выжгло всю землю. Я вспомнил, как всего в нескольких шагах от места, где сейчас стою, она убила слоноподобного дэва. Он глядел на мир своими пустыми глазами, а из его живота вываливались внутренности. Я задержал дыхание, но запаха разложения так и не учуял. Там, где раньше лежала его туша, не кружили мухи. Даже не было личинок, пожирающих его плоть, несмотря на удушающую жару. Повсюду лежали одни кости – мертвые памятники, жертвоприношения морю.

– Нет. Люди там показались мне странными. Они с подозрением смотрят на всех, кто не похож на них. Бесспорно, того же мнения они придерживались и обо мне, только по другой причине. Ты родом из Дрихта, а потому хорошо знаком с тиранией старой гвардии и упрямством правящего класса. Нивианские буржуа обладают большими полномочиями. Убивая ашу, дрихтианец верит, что следует воле богов. А нивианец, рассуждая о возвышенном и проповедуя милосердие, убивает незаметно. На убеждения Мерквика повлияла торговля рунными ягодами, однако остальные жители Одалиши действуют по указу столицы. Даже Найтскросс.

– Но стоит обратить внимание на то, что раньше отказывался видеть, и мир обретает другие краски. С тобой произошло то же самое, ведь так? Когда король Аадил запретил твои прославленные песни, а тебя бросил на три месяца в мрачную темницу.

– Откуда ты об этом знаешь?

Сверху на нас с понимающим видом взирал скелет чудовища.

Она указала на мое стеклянное сердце, его переливы то вспыхивали, то гасли.

– Тебя несложно прочитать. Да, в Ниве мне не понравилось, но знакомство с этим городом оставило в моем сердце самые странные и волнующие воспоминания. Возможно, оттого,

что все для меня выглядело новым. Или оттого, что мир оказался шире моего жилища в Найтскроссе.

– Я так и не избавилась от своей неприязни к толпе людей, хотя выступала перед ними сотни раз. Мне никогда не нравилось быть в центре внимания, что для аши считается необычным. Но, несмотря на людское отвращение, моя первая ночь в Ниве подарила мне теплые воспоминания.

– Почему?

– За всю жизнь меня привлекли лишь двое мужчин. И как ни странно, обоих я повстречала в ту самую ночь в Ниве, пусть и не при самых приятных обстоятельствах.

5

Празднование в Ниве, столице Одалии, было в самом разгаре, когда леди Микаэла, сидя на своей пегой лошади, вела нас по извилистым улочкам города. Фокс вместе со мной ехал позади на пятнистом сером жеребце, купленном в Мерквике. Мне ни разу не доводилось видеть такого большого скопления людей на столь малой площади.

В Найтскроссе дома строили вдоль естественно пролегающих тропинок, поэтому я привыкла к широким дорогам. Но, прожив столько лет в Кионе, так и не смирилась с узкими улицами оживленных городов Одалии. Тесноту усугубляли толпы людей, которые собирались посмотреть на выступления уличных музыкантов, облаченных в странные одежды. Одни играли на тамбуринах, другие – на барабанах и трубах. При этом никто из них не стеснялся шуметь.

Люди разводили на городских площадях костры и по очереди прыгали через них. А все остальные смотрели, смеялись и хлопали в ладоши. Пляшущие среди множества людей языки пламени напугали меня. Я вцепилась в брата, испугавшись, что огонь может распространиться и в считанные минуты спалить город. Несмотря на жару и дым, кожа Фокса на ощупь оставалась холодной.

– Они празднуют день весеннего равноденствия, – пояснил Фокс. Парни и девушки, каждый раз взлетая над костром, стремились прыгнуть как можно выше. – Огонь дарит очищение, и прыжки через него избавляют от всех болезней и зла в предстоящем году.

– Но в Найтскроссе мы так не делаем.

Самый большой огонь полыхает в кузнице моего отца, и я с трудом могу представить себе его реакцию, если вдруг жители решат прыгать через пламя.

– Сельские уголья не самое подходящее место для костров, Тия.

– Как и города, на мой взгляд.

Мы прошли чуть дальше, и шумное веселье немного стихло. Прохожие, увидев пустое сердце Микаэлы и мой кулон, отливающий серебром, останавливались. Некоторые пытались слиться с толпой, сторонились нас, хотя узкие дороги не позволяли отступить. На Фокса смотрели из-за того, что у него не было стеклянного сердца, а на бедре болтался серебряный меч – за это время других воинов мы не встретили. К счастью, причиной этих взглядов были не отсутствующая тень, убеждала я себя, и уж точно не отсутствие жизни в равнодушных глазах.

Нив совершенно не походил на Найтскросс. Наверное, нелепо сравнивать их между собой, но много в своей жизни я не видела. Даже книги не смогли подготовить меня к такому потрясению. На фоне лесов и гор в моей простой деревушке стояла оглушительная тишина, и самыми громкими звуками были удары молота в кузнице и шепот сплетниц.

В отличие от Нива, где все внимание привлекали люди. Они, словно огромные восклицательные знаки, слонялись по улицам. Жители облачались в великолепные яркие наряды, от которых трудно было оторвать взгляд. У меня на родине женщины не носили вуали, потому что казалось нелепым надевать их для работы в поле. Здесь же одни нивианки носили их на себе свободно, а другие туго повязывали на голове, так что невозможно было определить, какого цвета у них волосы и есть ли они вообще. А некоторые полностью закрывали лица тканями и кутались в длинные струящиеся мантии, скрывая все, кроме глаз.

Лица большинства людей были безупречно гладкими, временами они оказывались намного красивее, чем были на первый взгляд. Я замечала нечто странное в их чертах: слишком утонченных, слишком неестественных, будто высеченных до идеальной точности, но чересчур резких для того, чтобы быть настоящими. На каждом человеке я видела два лица одновременно, одно сидело поверх другого: первое для настоящего выглядело излишне приятным и показным, а второе для искусственного обладало изысками и было чересчур обычным.

– Чары, – бросила через плечо леди Микаэла, не отрываясь от книги.

Чуть позже я узнала, что читать на ходу было у нее в привычке. Она и со мной поделилась книгой из своей коллекции, но очень скоро от езды на лошади я натерла бедра, и боль все время мешала чтению.

– Слабейшая из магий. И по большей части безвредная. Позволяет людям потешить свое самолюбие, однако мы, аши, видим их истинные лица.

Мы проехали мимо разноцветных флагов и ярких перьев. Рынок утопал в многочисленных запахах: от свежего мятного благоухания растений в горшках до дразнящих ароматов жареной еды и горячего хлеба. В эту минуту живот напомнил мне, что за последние несколько часов я не ела ничего, кроме полоски вяленой говядины. Каждую дверь украшали вывески с обещаниями процветания и удачи. Проезжали телеги. Дети пробегали мимо стариков с охапками вещей. Временами проплывал богато украшенный экипаж, пассажиры которого едва поворачивали головы в нашу сторону.

Я предполагала, что леди Микаэла поведет нас в гавань. По ее словам, самый быстрый путь до Киона – отчалить на корабле из одалийского порта в Ниве. В отличие от него дорога по суше займет целый месяц. Когда она миновала улицу, ведущую к причалу с рядами кораблей, и повернула к замку Одалии, я удивилась.

– Ночь по просьбе короля Телемайна мы проведем во дворце, – сказала аша. – Наступает весеннее равноденствие, и каждый год я рисую руну Сердца для детей Нива. Отплываем мы завтра рано утром на первом корабле до Киона. Говори, Фокс. Я же вижу по твоему лицу, что ты хочешь что-то спросить.

– Госпожа, не хочу вас обидеть, но многие одалийцы считают плохой приметой предлагать кров, даже на ночь, Костяной ведьме. А для правителя Одалии такое решение станет погибелью. Как вам удалось убедить короля?

– Он сам предложил. Убедил королевского канцлера и управляющего дворцом, пусть и не сразу, а больше о нашей договоренности никому не известно. – Она слабо улыбнулась. – И предвосхищая ваш вопрос: нет, я не принуждала его. Рисовать руну Сердца для большого числа людей – утомительное занятие, но я делаю это в знак благодарности его величеству.

Я не знала, как относиться к королю, которого считала ответственным за гибель Фокса, однако мой брат, пожав плечами, сказал: такова солдатская участь, и если обвинять короля в каждой ране, убийстве и смерти, то в королевстве не останется армии.

– Но разве так не будет лучше? – спросила я, когда мы спешили. К нам тут же подбежали королевские конюхи, чтобы принять поводья лошадей. – Нет армии – нет войны.

Внезапно Фокс рассмеялся, его грудь при этом даже не дрогнула.

– Глупышка. Ты еще не стала ашей, а уже разбираешься в королевских играх? Я уж точно нет.

В это время года замок был открыт для всех желающих – таков обычай, как и празднование весеннего равноденствия. С помощью магии жители города подводили себе брови. Заклинаниями подкрашивали губы алым и делали их полнее, щеки покрывали румянами. Я чувствовала чары, вплетенные в их одежду. О некоторых заклинаниях мне рассказала леди Микаэла, чтобы я могла запомнить свои ощущения от них. Некоторые дамы придавали изящества своим шляпкам, а мужчины – важности своим фракам. Так, одна женщина попыталась свою вычурную шляпу сделать более элегантно. Но на меня ее чары не действовали. Я видела перед собой кучу перьев, словно в прошлой жизни она напала на неуклюжую утку и теперь носила ее кожу. От этой мысли я засмеялась.

– Для чего они так делают? – спросила я у Микаэлы. – Зачем тратят на это магию?

– Таковы прихоти богачей, – ответила она, пожав затынутым в шелк плечом. – Они заказывают в мастерских наряды и называют это модой или просят аптекарей разукрасить им лица и зовут это красотой. Ты родилась в деревне, а потому не понимаешь городских порядков. Городские богачи не похожи на пчел, которые вместе работают в улье и делят мед на всех. Они как обезьяны в джунглях красуются своими красными задками и бьют себя в грудь, потому что боятся быть изгнанными из стаи, если проявят слабость. Для такого рода магии подходят даже самые плохие рунные ягоды, так что мы им не препятствуем.

– Поэтому вы не используете магию, как они?

Леди Микаэла усмехнулась:

– Использую, но совсем немного. С одной лишь разницей: она настолько тонко вплетена в мое *хиа*, что ее невозможно различить.

В этой части города ведьму тоже узнавали и тут же расступались перед нами. Я шла с опущенной головой, разглядывая землю под ногами с большим интересом, чем самих горожан. Леди Микаэла уже привыкла к молчанию, а потому держала голову высоко поднятой, на ее губах играла загадочная улыбка. Шествие замыкал Фокс и не обращал никакого внимания на шарахающихся от него людей.

У ворот замка гостей встречали король и его сын. Король Телемайн оказался крупным мужчиной необычайно высокого роста. Его легче было представить в пылу сражений или после кровавого поединка, чем в богатых атласных одеждах фиолетового цвета и с короной на два размера меньше головы. Большая черная борода закрывала тонкий, как нитка, рот, а ярко-зеленые глаза были скорее пронзительными, чем мудрыми. Размер стеклянного сердца тоже был под стать: в два раза больше моего, но на его массивной груди смотрелось уместно. Рядом с ним стоял юноша на год или два старше меня, с небольшой короной на голове. Несмотря на все сходство, глаза сына отличались от отцовских, подобных твердому непрозрачному нефриту. Словно глубокие добрые изумруды, они улыбались вопреки серьезному лицу. Без сомнения, красивее мальчика я не встречала. Когда он перехватил мой взгляд, я тут же отвела глаза, отчаянно стараясь не краснеть.

– Леди Микаэла, – вышел вперед король Телемайн. Его большие руки накрыли ладонь аши, спрятав ее от взоров окружающих. – Большое спасибо, что вы, как и всегда, посетили нас.

– Для меня это честь, как и всегда. Сегодня собралось много людей. Сколько здесь детей со стеклянными сердцами?

– Всего четыреста восемьдесят.

Я вздрогнула. В Найтскроссе год считается удачным, если в день весеннего равноденствия собирается более двадцати детей тринадцати лет.

– Тогда нам точно не стоит откладывать начало. Уже темнеет. Кстати, это моя ученица, Тия Пехлеви, и ее брат Фокс.

– Я очарован.

Король Телемайн был опытным правителем. Его стеклянное сердце на долю секунды вспыхнуло оранжевым. Меня охватило беспричинное негодование, и я тут же позабыла о смущении:

– Вовсе нет.

Король Телемайн и Микаэла обернулись ко мне: мужчина смотрел с любопытством, аша – предостерегающе.

Еще можно понять его безразличие по поводу появления в королевстве очередной Костяной ведьмы, но Фокс – совсем другое дело.

– Мой брат погиб. Это вы отдали ему приказ, а он, как верный солдат, отправился в бой, получив в награду лишь гроб. Я считаю, что он заслужил больше, чем простое равнодушие, – взглядом я указала на стеклянное сердце короля, – пусть и хорошо скрываемое.

Кто-то из его свиты ахнул, изумившись такой грубости. Но леди Микаэла промолчала.

Король запрокинул голову, обнажив два ряда белых квадратных зубов, и громко рассмеялся:

– А девчушка с характером! Отличный выбор, Микаэла! Вскоре она еще покажет свои зубки.

– Да, у нее большой потенциал, – прошептала леди Микаэла. – Она научилась читать по стеклянным сердцам даже с небольшой подготовкой.

Король Телемайн обратился к Фоксу:

– Молодой человек, я благодарен вам за службу на благо нашего королевства и сожалею, что вы оказались здесь при столь печальных обстоятельствах. Я поговорю со своими управляющими и сделаю все возможное, чтобы ваша семья ни в чем не нуждалась. Это меньшее, что я могу сделать для вас.

– Вы очень добры, ваше величество, – поклонился Фокс.

– Я помню то скверное дело и свой приказ, но у меня не было выбора. Я не мог позволить, чтобы наши северные границы атаковало непонятное чудовище. Дэва мы так и не нашли, тем не менее мои солдаты ранили его, и нападения вскоре прекратились. Может ли статься так, что он вернулся в свое логово и умер там?

– При всем уважением к вам, ваше величество, – со своей обычной серьезностью произнес Фокс, – я надеюсь, что нет.

Король рассмеялся еще сильнее:

– Микаэла, да у вас тут целое семейство, как я погляжу. Огонь и штиль, вода и пламя. Прямо как мои сыновья. Кстати, это принц Канс.

Мальчик улыбнулся мне, и я почувствовала, как мои щеки снова запылали.

– Для меня честь познакомиться с тобой, аша. – Молодой человек низко склонился, и его стеклянное сердце качнулось вперед. Как и у отца, его обрамляли серебряные узоры, а позади сверкал вычурный герб королевской семьи – силуэт льва на фоне солнца.

– Я не аша, – запинаясь, пробормотала я. Как могла простая улыбка вытворять с моим сердцем такое? – Я... я...

– Ученица пока что, – сжалившись надо мной, закончила леди Микаэла, – поскольку еще должна пройти обучение в Анкио.

– Но уже Костяная ведьма, не так ли? – подмигнул мне король. – Какой на редкость богатый год. Новая Костяная ведьма впервые за десятилетия! Вдобавок вы обе из Одалии, а ведь другие королевства лишены такого дара. Может, только в Истере осталась одна старая карга, да, Микаэла? Конечно, у нас нет кионского Кузнеца душ, но и тот с каждым годом не молодеет.

– Кузнеца душ? – невольно переспросила я.

Король Телемайн полной рукой указал на мое сердце.

– Их стеклянные сердца, как и ваши, светятся серебристо-белым. Но в отличие от Костяных ведьм они не используют магию, а извлекают воспоминания и заменяют их на новые.

В эту минуту к королю приблизились два человека: королевский советник, судя по одежде, и юноша в коричневом плаще с капюшоном. В сердце мужчины я различила синезелтую пульсацию – учащенное сердцебиение при страхе. Понять второго было еще проще: его кулон сиял красно-бурым от злости, направленной на нас. На их лица я даже не смотрела, вместо этого не сводила глаз со стеклянного сердца советника.

– Ваше величество, – пролепетал он. – Не стоит... не стоит заставлять детей ждать.

Однако его сердце говорило об обратном: *«Как можно столько времени тратить на этих ведьм? Что подумают люди, увидев своего короля в компании этого сброда?»*

– Он прав. – Леди Микаэла решительно взяла меня за руку. – Лучше начать. Нас ждут четыреста восемьдесят детей. – А как только мы снова остались одни, прошипела: – Королям и королевам еще можно простить непозволительное поведение. Костяным ведьмам – нет. Если ты еще раз заговоришь с королем или с кем-то из дворца в таком тоне, я заткну тебе уши и заставлю целый месяц чистить туалеты. В Одалии нас терпят только благодаря его великодушью, без него мы для всех – изгой.

– Обещаю, этого не повторится, – покорно проговорила я, потому что леди Микаэла была не из тех, кто бросает слова на ветер. Наша встреча с дэвом стала тому подтверждением. – А кто такие Кузнецы душ?

Она постучала по моему стеклянному сердцу.

– Иная магия, но того же цвета. Для людей они полезнее нас, а потому более желанны. Они могут забрать воспоминания и разбить их на тысячи осколков. После чего извлеченную сущность использовать в зельях и заклинаниях, а потом собрать из них совершенно новые сердца, красивые и фальшивые, так что даже мы не сможем отличить их от старых. К счастью, некоторые поддельные сердца стоят дороже королевства, поэтому лишь единицы прибегают к этому методу.

– Но зачем?

– Из благородных и ужасных побуждений. Если отдать сердце не тому человеку, он может воспользоваться твоим доверием. А некоторые заклинания не позволяют заново накладывать на него руну. Когда у тебя много врагов, приходится немного помогать себе. Для самых сильных заклинаний требуются воспоминания. В мире полно людей, желающих что-то забыть, и достаточно богачей, готовых за это заплатить.

– Но это ужасно!

– Люди могут быть ужасны, Тия.

С этими словами леди Микаэла отвернулась, ее пустой кулон блеснул на свету. А я все никак не могла понять, что же в прошлом могло так огорчить ашу?

Для ритуала весеннего равноденствия было достаточно одной аши, так что я стояла в стороне и наблюдала за тем, как леди Микаэла приступает к заклинанию. Мне, как ее ученице, отвели место среди королевской прислуги низшего сословия – в самом конце. Но и оттуда можно следить за происходящим напрямую. К сожалению, Фоксу не так повезло. Он оказался прямо посреди огромной толпы. Но даже там я чувствовала его присутствие, и этого было достаточно.

В центре городской площади собрались мои ровесники, наряженные в самые красивые и дорогие платья. В руках они держали пустые кулоны в форме сердца. Представ перед королем, мальчики и девочки ждали, пока леди Микаэла ходила вдоль рядов и вычерчивала руны.

Каждое стеклянное сердце казалось мне изысканнее предыдущего. В платье одной из девочек были вплетены чары спокойствия, так что толпа восторгалась ею, даже когда она нервно одергивала свой кружевной наряд. Другой мальчик с чрезмерной старательностью ковырял в носу, но заклинание на нем скрывало этот изъян. *«В Найтскроссе все было намного проще, – подумала я. – Наших скудных средств хватало лишь на достойное поведение».*

У меня за спиной раздался хор голосов, и заиграли невидимые инструменты. Пальцы леди Микаэлы продолжали выписывать в воздухе узоры. Наложённые на лица людей чары скрывали презрение к Костяной ведьме – кроме тех, кто способен различать магию и видеть сквозь нее.

– Говорят, ты можешь воскрешать мертвых.

Я обернулась. Позади меня стоял мальчик, явно настроенный враждебно.

– Говорят, ты можешь воскрешать мертвых, – повторил он. – Ну так что? Можешь?

Большинство жителей Нива сторонились меня, вот почему его язвительность застала меня врасплох.

– Все относительно. А нужно кого-то воскресить?

– Так ты можешь или нет?

Огромный черный плащ, который был ему велик, полностью скрывал от меня кулон. Я даже не могла рассмотреть цвет его волос, только нижнюю часть лица и один прищуренный серый глаз. Вот бы взглянуть на его сердце, думала я, тогда станет понятно: то ли у него есть причины так нахально себя вести, то ли он просто глупец. По крайней мере, от него не веяло заклинаниями, а одежда была свободна от чар, маскирующих отвращение.

– Я же Костяная ведьма. Конечно могу.

– Мой папа говорит, что все Костяные ведьмы – демонские отродья, – продолжал упорствовать мальчик. – Здоровых они проклинают, а больных губят. С ними не может справиться ни одна магия, потому что они продают свои сердца Тьме. Так они и воскрешают умерших людей, таких же бездушных, как и они сами.

– Костяные ведьмы не продают свои сердца!

Мальчик прищурил глаза.

– Потому что вам нечего продавать. Для этого вы забираете сердца у других и высасываете их до последней капли. Из мертвых вы собираете целые армии. Если не держать вас в узде, вы натравите их на нас.

– Это неправда. – Каждое его слово будило во мне злость. Я ведь ничего плохого ему не сделала. – Ты ненавидишь нас из-за каких-то предубеждений.

Мальчик плотнее запахнул плащ.

– Знаю я ваши штучки. Папа все мне про вас рассказал. Не увидев моего сердца, вы не сможете наслать на меня проклятие.

– Да не хочу я тебя проклинать. – Но это была правда лишь отчасти. Я так разозлилась на него, что не знала, как заставить его замолчать.

Лицо мальчика, скрытое в тени капюшона, стало жестче.

– Такие, как вы, убили мою маму, – рявкнул он. Потом развернулся и нырнул в толпу. Но прежде его плащ распахнулся, и я успела разглядеть стеклянное сердце: всего на миг оно ярко вспыхнуло серебром и затерялось в море людей.

Девушка переделалась, сменив свое хуа на другое одеяние, в этот раз глубокого синего цвета, подобно морской воде. Половину платья занимал узор в виде волн, который к низу постепенно сходил на нет. Подол пестрил оранжевыми карпами и серебристыми спинками форелей. И вновь центральное место занимал дракон. Часть его туловища была скрыта за широким бирюзовым поясом, выложенным персиковыми и серыми ракушками, на виду оставались лишь передние лапы и голова. С длинной морды, обнажившей клыки, на меня смотрели глаза из черных агатов. Его задние лапы выглядывали из-под пояса, а хвост заканчивался длинным острым шипом.

Образ аши дополняли шпильки, которые чаще всего встречаются у королевских особ. На длинных палочках в волосах покачивались драгоценные камни. Шелковые ленты в локонах украшали сине-зеленые и оранжево-красные бусины.

– Я двадцать восемь раз бывала у анкионской предсказательницы.

С этим признанием во мне проснулось любопытство. Я знал, насколько для аши из Ив важны встречи с жрицей Анкио, но женщины обращались к ней только по самым важным вопросам: например, в начале отношений со своим покровителем либо после присяги королю или знатной особе.

– За время своего обучения каждая аша бывает в храме всего два раза, – предугадав мой последующий вопрос, ответила она. – В первый, когда она представляется, поселившись в квартале Ив, а во второй, когда становится полноценной ашей. Как только она находит себе покровителя, ей больше не нужно представать перед жрицей. К несчастью, на мой счет у нее были совсем другие планы.

6

Если Нив считался закрытым городом с ограниченной торговлей, то Анкио, столица Киона, пестрил открытыми пространствами и яркими цветами. Он был как королевство, состоящее из других королевств: в определенное время те постепенно захватывали друг друга, пока наконец не отделились, отвоевав независимость. Но влияние различных культур все равно сохранилось. Оно угадывалось в строгих платках, как у жителей Дрихта, в цилиндрах, которые так любили носить мужчины городов-государств Ядоши, и во множестве покатых крыш, характерных для архитектуры Архен-Кошо и Даанориса. Дороги, к моему удовольствию, здесь были шире, а здания – проще: небольшие квадратные строения с белыми стенами и покатыми крышами.

На красочных улицах столицы Одалии жители расхаживали в шелках и украшениях, большинство кионцев восполняли простоту своих домов изысканными нарядами. Мне с трудом удавалось не спотыкаться о тяжелые подола одежд, предназначенных скорее для красоты, чем для защиты от холода. Позади женщин тянулись длинные атласные шлейфы, руки закрывали широкие рукава с замысловатыми узорами, которые начинались от локтей или спускались вниз от талии, имитируя традиционные платья *хуа* ашей. В Анкио платки были не так распространены, как в Ниве, но я то и дело замечала в толпе покрытые головы. Местные предпочитали носить волосы распущенными или укладывали их в аккуратные прически, которые подчеркивали по меньшей мере тремя или четырьмя заколками из драгоценных камней. С украшениями мужчины усердствовали не так, как женщины, но каждый дюйм их длинных туник и плащей покрывала скрупулезно выполненная отделка. Ни один элемент одежды не обходился без вышивки, узоров, орнаментов пейсли¹⁵ и завитков. Нередко можно было встретить многослойные наряды, а потому превосходное платье *хуа* леди Микаэлы идеально вписывалось в кионскую моду.

Если от чар одалийцев у меня кружилась голова, то здешние заклинания буквально сбивали с ног. Волны магии исходили практически от каждого прохожего. Я раскачивалась в седле, и лишь быстрая реакция Фокса не давала мне упасть с лошади.

– Возьми. – В считанные минуты рядом со мной оказалась леди Микаэла, которая протянула мне две заколки вроде тех, что сама носила в волосах. Первую изогнутую брошь украшали невероятной красоты звездные сапфиры, а другая, поскромнее, странно изгибалась в форме полумесяца, обвитого серебряной проволокой с аметистами. – Закрепи их на волосах.

¹⁵ Орнамент пейсли – миндалевидный узор с заостренным загнутым вверх концом.

Я послушалась, и головокружение ослабло. Конечно, бурные потоки магии по-прежнему проходили сквозь меня, но они странным образом заглушались и уже не так сильно били по глазам и голове.

– Вынужденная мера, – пояснила аша. – Пусть простота нашего города тебя не смущает. Любовь кионцев к магии превосходит одалийские предпочтения во много раз.

– И здесь всегда так? – Отчего-то мне казалось обидным, что местные жители впустую тратят свои магические способности, когда в Мерквике каждая рунная ягода на вес золота.

– Анкио не просто так называют Городом Изобилия, Тия. Большинство кионцев богаты, а потому не знают меры.

Замки Киона отличались от одалийских. Они были меньше по размеру и тянулись вверх на множество этажей, каждый из которых отмечала изогнутая крыша. Кровля казалась тоньше той, что встречалась в королевстве Даанорис, но была проще украшена по сравнению с Архен-Кошо. В результате дворцы походили на многоярусные торты с загнутыми вверх остроконечными шпилями.

В этот раз леди Микаэла проехала замок мимо и свернула в соседний квартал, совершенно непохожий на остальную часть города. Дома здесь были не такими маленькими и квадратными, как везде, а напоминали вытянутые прямоугольники размером с два или три средних анкионских дома. Улицу окружали толстые глинобитные и белокаменные стены.

– Это место мы зовем кварталом Ив, – сказала женщина. – Домом величайших аш всех королевств.

– Но здесь нет ни одной ивы, – возразил Фокс, который порой воспринимал все слова буквально.

– Вот одна. – Леди Микаэла опустила руку на мое плечо.

Затем аша подвела нас к одному из домов. Среди остальных строений он выделялся необычным символом на деревянной табличке у входа. За первым дверным проемом скрывался длинный коридор, который вел к внутренним комнатам. Аша остановилась у того места, где заканчивалась булыжная мостовая и начинался тщательно утоптаный земляной пол, прирующий, как я позже узнала, всем аша-ка. Она сняла обувь и убрала ее в специальный деревянный ящичек, призвав нас сделать то же самое.

Узкий проход перетекал в просторное помещение, служившее одновременно гостиной и коридором между остальными комнатами и улицей. Стены закрывали толстые ковры с изящными геометрическими узорами, пол устилал такой же ковер, только тоньше и проще. Потолок оказался выше, чем я себе представляла. Его скошенные своды образовывали по центру купол. Небольшая ширма в дальнем конце комнаты скрывала от глаз посетителей внутренние покои, а на столе перед ней располагалась высокая цветочная композиция. В углу весело потрескивала стальная жаровня.

Навстречу нам вышли две женщины, старая и молодая. У первой из них кожа настолько сильно обтягивала кости, что она походила на скелет. Белоснежные волосы были аккуратно собраны в строгий пучок на затылке. Треугольным лицом и заостренным подбородком она напоминала мне постаревшую кошку *тамра*. Щеки ввалились, но зеленые глаза излучали мудрость. Ее платье *хуа* было еще изысканнее, чем у леди Микаэлы: бледно-желтый абстрактный узор на темно-коричневом фоне и оливковый широкий пояс из расшитого золотом шелка с настоящими изумрудами под цвет ее глаз. В руке она держала большой, расписанный золотыми буквами веер, который каждые несколько секунд то открывала, то закрывала.

Рядом с ней стояла круглолицая девушка в простом персиковом халате поверх серой туники. Темные волосы заплетены в две косы, спускающиеся ниже бедер. Она была удивительно хороша собой и с любопытством поглядывала то на меня, то на Фокса.

Пожилая женщина, не удостоив нас вниманием, обратилась к аше:

– Что в нашем аша-ка делает мужчина? – У нее был высокий пронзительный голос, отчего слова она не произносила, а выкрикивала.

– Ничего не поделает, Мама. Он пришел с ней.

Старуха в мою сторону даже не посмотрела.

– Это совершенно неприемлемо, совершенно неприемлемо. Для мужчин, будь они даже жалкими фамильярами, у нас комнат нет. И тебе, Микаэла, об этом известно.

– Мама, в квартале от нас есть пансион Оважин. Я могу поговорить с хозяйкой и поселить его там.

– Будь добра, только не стоит подыскивать ему постоянное жилье. Почти все негодники, которых ты приводишь, проваливают испытание – так мы быстро разоримся. Ты уже водила ее к жрице?

– Еще нет, Мама.

– Не понимаю, зачем ты притаскиваешь сюда этих голодранцев, не посоветовавшись с ней? Без испытания им здесь не место.

– Это другой случай.

– Ха! Ты и про других так же говорила! Меня мало волнуют «другие случаи». Эта неряха может вскоре угробить себя, а разбираться придется нам. Отведи ее к жрице, а там поглядим. – Она снова захлопнула веер. – Шади, идем.

Девушка в персиковом халате бросила на нас извиняющийся взгляд и последовала за старухой.

Как только женщины удалились, я с ужасом обратилась к аше:

– Это ваша *мама*? – прошептала я.

Леди Микаэла усмехнулась:

– Я зову ее Мамой, но нас не связывают кровные узы. Сейчас мы находимся в Доме Валерианы, моем аша-ка, которым управляет она, госпожа Пармина.

Я пришла в еще больший ужас. Однажды папа принес мне книгу, где говорилось о подвигах современных аш. Одну из девушек-воинов звали Парминой из Огней. Когда-то она лично охраняла короля Фарнода – отца нынешнего короля Телемайна и дедушку принца Канса. В книге приводилось множество примеров ее прославленных деяний, когда она спасла его от клинка убийцы, а потом возглавила свой аша-ка. Конечно же, это не могла быть та самая Пармина. Образ, сложившийся у меня в голове, не соответствовал этому морщинистому лицу и тонкому пронзительному голосу.

– Она та самая. Пусть ее внешность не вводит тебя в заблуждение. Она до сих пор по праву носит звание влиятельной аши и входит в число лучших умов Киона. По утрам она бывает немного раздражительна, потому что не любит, когда ее сон прерывают. Давай посетим жрицу и докажем, что она ошибается на твой счет.

– А о каком испытании она говорила? – спросила я, когда мы вышли на улицу.

Вместо того чтобы покинуть квартал, леди Микаэла повела нас в самый центр. При встрече с ней люди останавливались и, кланяясь, спешили по своим делам. Некоторые с любопытством смотрели на нас с Фоксом, но вопросов не задавали.

– Всех послушниц аша приводят к жрице, но не для прохождения испытания. Многие из тех, кто в первый раз потерпел неудачу, вскоре становились искусными заклинателями. Ученицы обязаны пройти лишь второе испытание, когда готовы стать настоящими ашами. Повстанцы Безликих всегда доставляли нам хлопот, и таким образом мы вычисляем их на первом испытании и отсеиваем.

– Но что, если новенькая все же не проходит...

– Такое случается по разным причинам, а не только потому, что она может быть шпионкой. К несчастью, Мама очень суеверна. Если при первой встрече жрица не одобряет девушку,

Мама не допускает ее в Дом Валерианы. Думаю, это как-то связано с тем, что сказала ей жрица, когда та сама еще была ученицей.

Я не знала, что и думать. Отчасти я испытывала разочарование: проделать такой долгий путь, чтобы потом тебя отсеяли. Но с другой стороны, была рада, потому что в случае провала смогу снова вернуться к своей семье.

– Но остается множество других аша-ка, где готовы принять отвергнутых Мамой учениц, – сказала Микаэла, лишив меня последней надежды. – Не переживай. Уверена, у тебя все получится.

– Но... почему она все же принимает Костяных ведьм в своем аша-ка? Разве они не приносят несчастья?

– В Кионе мы называем себя Темными ашами. Здесь прозвище Костяная ведьма звучит так же оскорбительно, как и в Одалии, но на него обижаются все аши. Малышка, необязательно быть Темной ашей, чтобы провалить испытание жрицы. Госпожа Симин, предыдущая глава Дома Валерианы, тоже была из их числа. – Она тепло улыбнулась мне. – Не позволяй предрассудкам некоторых людей определять твоё место в великом обществе Киона. В Ивах все аши в равной степени уважаемы.

Жрица жила в храме в самом центре города. По сравнению с окружающими его аша-ка он казался меньше, но выделялся среди других. Крыша состояла из двух куполов, и над самой верхушкой вился бесцветный дымок, словно уплывающие в небо непослушные облачка. Большие двери из блестящего дерева обрамляли тонкие колонны.

– Внутри с тобой я войти не смогу, – тихо проговорила леди Микаэла. – В храме запрещено одновременно находиться нескольким ашам, так что мы с Фоксом будем ждать тебя тут.

– Но что мне делать?

– Малышка, жрица попросит у тебя предмет. Для этого я дала тебе сапфировую заколку, которую ты и отдашь. На все вопросы отвечай честно. Ведь аша означает «правда», а правда – единственное твоё оружие. Иногда жрица говорит загадками, но все сказанное должно оставаться между вами. – Сбоку висел маленький колокольчик. Аша позвонила в него три раза. В наступившей тишине звук показался мне оглушительным. – А теперь иди. Она ждет тебя.

За дверьми скрывался узкий проход, стены которого в отличие от Дома Валерианы освещали небольшие факелы. Бесконечный коридор постоянно поворачивал вправо, словно закручивающаяся вокруг себя змея, но в конечном итоге привел в большое помещение без мебели и каких-либо украшений.

Первое, что я увидела, вступив в главный зал, – это огонь. Он поднимался из большой жаровни по центру. Вместо копоти и пепла в ноздри мне ударил запах сандалового дерева. Перед ним сидела маленькая фигурка в белом, а вокруг нее белоснежным веером раскинулся шлейф платья. Лицо скрывала вуаль, не позволявшая разглядеть черты. Она подняла руку, и я увидела гладкую, без единой морщинки, кожу.

– Какова твоя жертва? – Голос ее звучал подобно печальному хору, поющему в унисон. Он эхом отражался от голых стен.

Я нащупала в волосах заколку из звездных сапфиров и потянула за нее.

– Брось ее в огонь.

На миг я засомневалась. Вряд ли леди Микаэла дала мне столь ценную вещь, чтобы я так ею распорядилась. Рука застыла, я колебалась между дорогими синими камнями и менее богатой аметистовой заколкой в форме странного полумесяца.

Женщина в вуали нетерпеливо взмахнула рукой.

– Брось ее в огонь, дитя.

Я с болью в сердце наблюдала за тем, как пламя пожирает сапфиры. Жрица оставалась неподвижной, устремив взгляд в центр жаровни. Она сидела настолько близко к огню, что я испугалась, как бы на ее вуаль и одежду не попали искры.

– Ты действительно хочешь вернуться домой, дитя?

На губах застыл ответ «да», но я не стала торопиться. Леди Микаэла просила честно отвечать на вопросы жрицы. На протяжении всего пути я убеждала себя в том, что больше всего на свете хочу вернуться в Найтскросс. А потом вспомнила враждебность его жителей – людей, которых долгое время считала своими друзьями. Раньше я действительно мыслила как они, но, оказавшись по другую сторону этой ненависти, мне больше не хотелось так думать.

Если я вернусь, они все равно станут относиться ко мне иначе. Пусть я больше никогда и не притронусь к рунам Тьмы до конца своей жизни.

Но существовала еще одна причина.

Женщина ждала моего ответа. Уверена, ее святилище посетили бесчисленное множество аш и оказывались перед тем же выбором, что и я.

– Нет. – Слово получилось тихим и неубедительным. – Я не хочу возвращаться домой.

– Почему?

Я сглотнула.

– Потому что мне нравится сила, которую дарит магия.

Огонь вспыхнул ярче, как если бы услышал и одобрил мой ответ.

– Ты изменишь Анкио, принеся как благо, так и зло. Ты изменишь Кион. Изменишь Восемь Королевств. Возвращайся ко мне, когда проникнешь в разум, откуда вырастают три головы. – С этими словами женщина отвернулась.

Покидая храм, я видела, как жрица потянулась к огню. Пламя обхватило ее ладонь, как дитя обнимает свою мать или муж – жену. Налетел сильный ветер, мигом погасив пламя, и комната погрузилась в темноту. Я посмотрела туда, где раньше сидела фигура, но та уже исчезла вместе с порывом ветра. Я была одна.

Когда я вышла из храма, леди Микаэла встретила меня с улыбкой.

– Поздравляю, Тия. Я знала, что ты справишься.

– Но откуда вы?..

– Дым изменился, – тихо заметил Фокс.

Я обернулась и посмотрела вверх: до того бесцветный из купола теперь вился светло-голубой дымок. Пока я была внутри, на улице собралась небольшая толпа. Люди подходили к леди Микаэле и поздравляли ее. Лицо темной аши сияло, в отличие от физиономии Фокса, который не разделял всеобщего восторга.

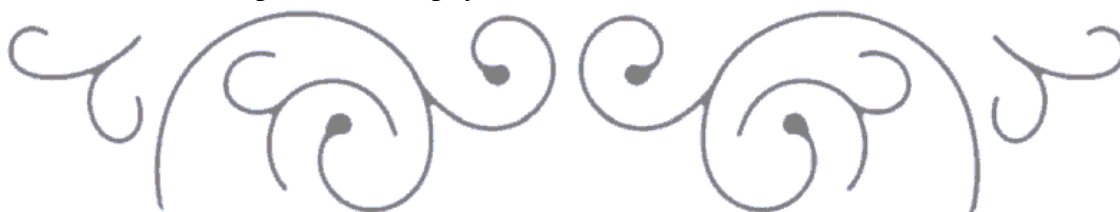
Краем глаза я поймала на себе чей-то взгляд. Человек с головы до ног был облачен в черное, подобно дрихтианским женщинам. Глаза покрывала вуаль, но я все равно ощущала, как они смотрят прямо на меня, и взгляд был отнюдь не дружелюбным.

Я моргнула, и видение исчезло.

– Тия? Что случилось?

Ничего.

– Ничего, – повторила я и отвернулась.

– Это тамариск, он вечнозеленый. – Девушка коснулась сначала одного цветка, потом другого. – А вот безвременник. Амариллис. Лопух. Для большинства живущих за пределами нашей небольшой части Анкио язык цветов может показаться чем-то пустяковым. Но для нас он составляет важную часть жизни. От аш люди ожидают лишь достойного поведения,

не может быть ни одного необдуманного поступка. Аши не плачут, не кричат, не угрожают. Если нас режут, нам остается лишь одно – с улыбкой истекать кровью.

Она принялась разбирать букет на столе: с одной стороны вынула цветок, с другой – добавила еще несколько. Палец коснулся лепестка большого розового бутона.

– Наши дома названы в честь цветов не просто так. Мой дом, Валерианы, означает «гостеприимство». Другие аша-ка тоже несут определенные значения. Ястребинка – «проницательность». Белокрыльник – «величественная красота».

– Лишь познакомившись с языком цветов, я поняла, насколько неправильно моим сестрам дали имена. Сирень означает «волнение первой любви», хотя моя сестра Лилак так и осталась старой девой, которой по душе проводить время в собственной компании. Мэриголд всегда была веселой, подвижной девочкой, несмотря на то, что календула означает «отчаяние». Роза – это «красота», однако из всех сестер Роуз была самой невзрачной.

– Что касается Дейзи...

Тонкие пальцы на мгновение застыли над зелеными листьями.

– Видов маргариток существует большое множество. Садовая маргаритка означает «я разделяю твои чувства». Полевая маргаритка – «я не даю обещаний». Астра ромашковая – «раздумья». А маргаритка обыкновенная – «невинность».

– Но Дейзи умерла всего через несколько лет после моего отъезда в Кион.

Ее руки снова ожили – на фоне ярких цветов они казались бледными.

– И в этом смысле, – тихо проговорила она, – я хочу считать ее действительно обыкновенной.

7

– Послушай меня, девочка. Мне не нужно знать твое имя. Я и *не хочу* его знать. В этом доме побывало множество девушек: они сбегали, выходили замуж, умирали, оставляли нас в долгах. Ты начнешь здесь работать в качестве служанки. Если продержишься до официального начала занятий, я оплачу твоё обучение аши. А до тех пор будешь трудиться в кладовой, убирать комнаты и делать все, что я скажу, если не хочешь проблем.

Таковыми словами в Доме Валерианы меня встретила госпожа Пармина. Точнее, так приветствовали каждую новоприбывшую ашу, хотя мне казалось, что со мной эта женщина была более резкой, чем с остальными. До моего появления леди Микаэла привозила в Кион ещё шесть девушек. Но старуха, уверенная в том, что они провалят испытание жрицы, отказывала им всем. И очень радовалась, когда её догадки подтверждались. Вот почему моё присутствие так её раздражало – я стала исключением из этого правила.

Чтобы обжиться в Доме Валерианы, мне понадобилось три дня. Его размеры потрясли. Аша-ка состоял из трёх строений, соединённых между собой узким коридором. С улицы был виден лишь главный дом. В самой большой комнате госпожа Пармина принимала гостей, дальше комнаты предназначались для сна. Госпожа Пармина, леди Шади и леди Микаэла, которая подолгу отсутствовала в Кионе, – каждая занимала свою собственную комнату. Отдельная дорожка вела к обеденной зоне и кладовой, где спала я и ещё две девушки, работающие в аша-ка. Кроме того, леди Микаэла разрешила мне в своё отсутствие пользоваться её библиотекой. В редкие свободные минуты я изучила её впечатляющую коллекцию книг, постоянно прерываясь на второе, третье или семнадцатое поручение.

В гостевом домике обычно ночевали постояльцы. Он представлял собой большую комнату с множеством перегородок, которые можно было сдвигать или раздвигать по своему усмотрению. В маленьком деревянном домике располагалась купальня. Позже я узнала, что вода сюда поступала по каналам, проходящим под землёй через центр квартала Ив и снабжающим остальные аша-ка.

В пределах дома размещался внутренний двор, где был разбит огород с овощами и травами. Даже имелся крошечный пруд с рыбками гуппи и парочкой больших черепах.

Как новому обитателю Дома Валерианы, мне поручили много дел. Я просыпалась раньше всех и почти каждое утро поливала растения, ухаживала за огородом, подметала полы и дорожку возле дома, убиралась в комнатах. В мои обязанности также входила уборка туалетов, которую я ненавидела больше всего, но, к счастью, мы со служанками работали по очереди. Их звали Кана и Фархи, обеим было по семнадцать лет.

Кана – приятная застенчивая девушка. Её семья была родом из небольшой деревушки Беларью, в юго-восточной части Киона, где жили предки её дедушки ещё со времён правления

императрицы Ундры более века назад. Ее отец торговал на городском рынке гранатами, а мама растила трех младших детей. Кана обожала красивые вещи и мечтала однажды купить себе *зивар*, как у некоторых аш в одной из многочисленных парикмахерских квартала Ив. Госпожа Пармина не любила, когда служанки надевали изысканные украшения, но ей разрешала ходить с простой заколкой в крошечных искусственных рубинах, которую девушка носила не снимая.

Фархи имела совершенно иное происхождение. Ее семья переехала в Кион из Адра-ала, когда той было семь лет, но о своих дрихтианских корнях не забывала. Она ходила в традиционных одеждах и вуали, только лицо не закрывала. Работу в Ивах выбрала не она сама, просто здесь хорошо платили. На изысканные платья и украшения аш девушка посматривала с неодобрением, в остальном же держалась в стороне.

Семьи обеих девочек расположились близ рыночного района Анкио. Каждый раз, когда они заводили разговор о том, чтобы навестить родителей или купить братьям и сестрам какие-то игрушки в ближайших лавках, меня внезапно одолевала тоска по дому. Для встречи со своими родными мне бы пришлось проделать куда более долгий путь.

В Доме Валерианы работала еще одна женщина по имени Ула. Она служила помощницей госпожи Пармины и заведовала всеми делами в аша-ка: расходами на хозяйство, оплатой счетов из лавок и всеми доходами, которые аши получали с приемов и договоров. Также она устраивала для них новые встречи и отслеживала поступление всех денег, включая любые подарки ашам от покровителей.

Узнав, что леди Микаэла до сих пор посещает приемы, организованные для нее Улой, я очень удивилась. Ведь я полагала, что она уже обрела независимость и вольна самостоятельно принимать решения. Как пояснила мне аша, своим временем она распоряжается сама, а подобные встречи позволяют ей быть в курсе местной политической жизни и укреплять свое положение среди влиятельной знати.

Лишь со временем я узнала об остальных обитателях нашего дома, и их оказалось куда меньше, чем я предполагала. Всем аша-ка заправляла госпожа Пармина. Леди Микаэла считалась ее приемной дочерью и наследницей. Леди Шади – единственной ученицей, которая приехала два года назад и скоро станет настоящей ашей. Она была милой, но все время торопливо убегала на занятия. Поскольку большую часть времени я работала по хозяйству, возможностей пообщаться у нас почти не находилось. Как и госпожа Пармина, она не умела рисовать руны Тьмы – это умение являлось необязательным, несмотря на то, что Дом Валерианы издавна принимал Темных аш.

По дому леди Шади нам не помогала, потому что днем посещала занятия, а вечерами развлекалась. Все эти приемы служили большинству Домов основным источником дохода: здесь знатные особы и все, кто мог себе это позволить, платили ашам за то, что они своим присутствием разбавляли скучные мероприятия и веселили гостей. Ученицы дебютировали на них в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, поскольку приемы являлись неотъемлемой частью в обучении аши. Невзирая на трудности – например, в прошлом году одна из учениц вызвала скандал, сбежав с сыном аристократа, – большинство аш все же понимали, не стоит лишать себя возможности на счастливую жизнь.

Раньше я полагала, что все платья *хуа* выглядят одинаково: длинные струящиеся рукава, очень плотный широкий пояс и туника, спереди открывающая взору нижнее платье с множеством декоративных элементов. Но так было не всегда. Я встречала на ашах и другие вариации этого наряда: одни соответствовали стилю, популярному в их родном королевстве, другие придумывали и добавляли что-то на свой вкус. Как бы там ни было, правила предписывали всем ашам носить традиционные платья *хуа* как на официальных мероприятиях, так и на простых приемах в Анкио.

Довольно часто леди Шади покидала Дом Валерианы, пока я помогала госпоже Пармине, а потому мне редко удавалось видеть ее. Но однажды вечером я все же мельком заметила, как

она выходит из дома. На ней было прекрасное *хуа* насыщенного кораллового цвета, превосходно оттеняющее ее темную кожу. По роскошной ткани с узором из серебристых завитков тянулся сине-зеленый бамбук, а талию украшал серый пояс с вышитыми на нем золотой нитью воробьями. Пока Шади неторопливо шла по улице, все прохожие оборачивались. Но привыкшая к восхищенным взглядам девушка не обращала на них никакого внимания.

Под покровительством госпожи Пармины находились еще три аши, в то время они работали по договору у знатных особ из других королевств. Две из них служили в охране королевств Истера и Архен-Кошо, а третья – в городах-государствах Ядоши. Должна признаться, о жизни квартала Ив я почти ничего не знала, несмотря на книги об ашах, которые я прочитала, пока однажды леди Микаэла не отозвала меня в сторону и все не рассказала.

Первым существующим аша-ка был Императорский Дом. Его основала легендарная аша Вернаша из Роз, также известная как одна из Пяти Великих Героев. Тогда она поселилась в Анкио, в новом королевстве Кион. Будучи аристократкой, она состояла при дворе Тресеи и обучала своих учениц искусству танца, пению и этикету. Самых способных она устроила артистками в королевские ансамбли. Удержавшись как можно дальше от дворцовых интриг, смогла распространить свое влияние на другие королевства.

В боевых искусствах лишь нескольким ашам удалось доказать свое умение. Их она и порекомендовала на службу королям и знати в качестве охраны. Оказавшись на руководящих должностях, те смогли влиять на политику королевства и тем самым помочь в установлении долгого мира между правителями. При этом Вернаша придерживалась одного твердого принципа: если ты хочешь стать ашей, то должна обязательно владеть рунической магией – этот закон действует и по сей день.

– Но зачем мне тогда обучаться пению и танцам? – изумилась я. – Разве быть Темной ашей недостаточно?

Все аши, о которых я читала в книгах, действительно были искусными исполнительницами и танцовщицами, но я и не предполагала, что эти навыки для них считались обязательными.

– Быть самой могущественной ашей не всегда означает быть самой влиятельной или самой популярной, – пояснила леди Микаэла. – Конечно, на войне результат боя зависит от мастерства аши, от ее умений. Но порой красивый голос приносит больше пользы королевству, чем меч. Поэтому аши, одаренные в области искусств, очень востребованы при королевских дворах, и даже многие из них выходят замуж за представителей королевской семьи. В войне побеждай, в мирное время развлекай – таков, по мнению Вернаши, путь к стабильности.

Пожав плечами, Микаэла сухо добавила:

– Однако за долгие годы существования аша-ка стали слишком политизированными, заботясь лишь о престиже своих домов. Тем не менее большинство из них все же следуют букве закона, установленного Вернашей.

Слава о квартале Ив разлетелась по округе, и женщины уже не только из Киона, но и других земель стали стекаться в Анкио. Многие девушки не обладали врожденными способностями к магии, которые так требовались аше, поэтому Вернаша предлагала им другие занятия: организацию торжеств и управление чайными, обслуживавшие аша-ка и их состоятельных гостей; работу портными; создание украшений для волос, которые столь необходимы для аши; а также преподавание пения, танцев и других мирных искусств.

Квартал Ив привлекал женщин со всех королевств. Темноволосые и темноглазые аши приезжали из Киона, светловолосые и голубоглазые – из Тресеи, аши с золотистой кожей и раскосыми глазами – из Даанориса. Прибывали даже аши с дальних дрихтских скал: спасаясь от гонений у себя в королевстве, они находили убежище в Анкио. Одни продолжали кутаться в одежды, а большинство, отказавшись от своих традиций, облачались в обычные кионские *хуа*.

Больше всего неприятностей доставляла госпожа Пармина. Эта старуха частенько отправляла меня с целым списком заданий – принести лекарства или пирог с красной фасолью, который она обожала, либо постирать сразу два десятка тяжелых *хуа* – и, если я не возвращалась через час, наказывала двойной сменой в уборных. В городе я ориентировалась плохо, а сопровождать меня она никому не позволяла, поэтому по возвращении мне почти все время приходилось выполнять эту неприятную работу.

А еще госпожа Пармина любила купаться и вместо Каны с Фархи заставляла меня обслуживать ее во время водных процедур. Много вечеров я провела в купальне, скорчившись на холодном земляном полу, с затекшими коленями и сморщенными от влажности руками. Намывала ей спину и смывала. Но больше всего меня пугало обнаженное тело госпожи. Даже трудно было представить ее некогда прекрасной юной ашей, как утверждала леди Микаэла. Сейчас она была худой, как швабра, а ее обвисшая кожа лежала уродливыми складками, словно ярды непонятной ткани бледно-желтого цвета, которая шевелилась и при этом дышала.

Она рыгала и пускала газы, когда ей вздумается, – а это бывало довольно часто. Каждый день требовала, чтобы я массировала ей ступни, загрубевшие от старых ран и рубцов. Приказывала готовить ее любимую еду, а потом, получив желаемое, заявляла, что просила совсем другое, и грозилась вычесть стоимость этих блюд из средств, отведенных на мое содержание в Доме. Она была здесь главной, а потому все ей подчинялись, какими бы нелепыми и абсурдными ни были ее приказы.

Мне же казалось, что преклонный возраст госпожи Пармины сделал из нее капризного, испорченного ребенка, которому все потакают. Однажды она приказала мне сесть на стоящий в углу комнаты стул. Только я опустилась на сиденье, как с громким визгом, на который сбегались леди Шади и Кана, подскочила на ноги. А госпожа Пармина закудаhtала от смеха. В подушках я обнаружила спрятанный маленький кактус.

По ночам я без зазрения совести обдумывала все возможные способы прикончить эту тиранку.

Ты, наверное, подумаешь, что леди Микаэла вступилась за меня? Как бы не так. Напротив, она ничего не говорила и предпочитала не замечать, когда старуха злоупотребляла своей властью. Леди Шади, несмотря на свою доброту, поступала так же. Кана и Фархи тоже были не в силах что-либо сделать: одна попросту мне сочувствовала, а вторая, считая магию грехом, расценивала действия госпожи прихотью. Я чувствовала, что в Доме Валерианы меня некому защитить, и даже начала обижаться на леди Микаэлу.

Один Фокс оставался ярким лучом во мраке моих будней. Он часами терпеливо стоял перед домом, как бы говоря: я всегда рядом с тобой. Иногда блуждал по городу, вместо того чтобы оставаться в жилище, которое нашла ему леди Микаэла. Всякий раз, когда госпожа Пармина отправляла меня по очередному поручению, Фокс шел со мной. Гуляя по улицам и запоминая местоположение многих лавок, он быстро изучил город, так что после мы без труда находили ту же самую лавку во второй раз. Когда мое первое недовольство запросами старой аши поутихло, я вдруг стала с нетерпением ждать каждого поручения. Только так я могла побыть с Фоксом.

– Ты злишься на меня? – спросила я у него, получив одно из таких распоряжений – забрать торт в кондитерской.

Иногда, когда список дел оказывался непосильным, мы с Фоксом делили задания между собой, чтобы вовремя вернуться в аша-ка. Довольно часто госпожа Пармина, ожидая меня, засыпала, а я по опыту знала: потревожить ее сон равносильно самоубийству. Потому слонялась с Фоксом вокруг дома и наблюдала за прохожими. В это время на улице всегда было полно людей. Я научилась отличать служанок, бегущих по поручениям своих домов, от учениц аша, спешащих с одних занятий на другие.

– А с чего мне злиться, Тия? – искренне удивился Фокс.

– С того, что я немного тебя боюсь. – Его смерть преградой встала между нами, лишив нас былой близости.

– Мне кажется, в сложившейся ситуации такое вполне объяснимо, ты так не считаешь?

– Нет, если в этой ситуации виновата я.

– Больше никогда так не говори. – Фокс был непреклонен. – Ты не виновата. И если в Кионе ты остаешься только ради меня...

– Нет! – Я ответила с такой решительностью, что он испугался. – Нет, я не хочу уезжать из Анкио. Я... я хочу через это пройти. Правда хочу.

Фокс посмотрел на двери, ведущие в Дом Валерианы.

– Даже рядом с этим черносливом?

– Фокс!

– А разве это не так? Она же похожа на старый засохший фрукт, пролежавший на солнце целую вечность. И теперь он настолько проголодался, что готов сожрать собственное лицо.

– Фокс! – захихикала я. Пробегавшая мимо ученица остановилась и злобно уставилась на нас. Я тут же притихла. – На самом деле я беспокоюсь о тебе. Наверное, тебе уже надоело везде таскаться за мной...

– Я не против. Тем более я не так уж бесполезен, как ты думаешь. Если хочешь остаться, то я готов быть рядом столько, сколько пожелаешь. И прости, что тебе приходится меня бояться. Для меня все это тоже непривычно.

– Ты сейчас пытаешься извиниться за мое извинение? – сердито спросила я.

Теперь настал черед Фокса засмеяться. Его смех оказался настолько заразительным, что мы оба не сдержались и захохотали до слез. Пока из окна не высунулась голова госпожи Пармины и не заорала на нас, чтобы мы заткнулись.

– Возможно, ты считаешь меня слишком дотошной из-за того, в каких подробностях я всегда описываю платья хуа, – сказала девушка. – Многие полагают, что ашу заботит только ее внешний вид, но это далеко не так. Платья хуа – такая же личная вещь, как туалетные принадлежности и нижнее белье. И они так же уникальны, как лица или голоса. Чтобы ближе узнать ашу, достаточно взглянуть на ее платье, потому что не существует двух одинаковых нарядов. А уж примерка чужого платья равносильна вторжению в личное пространство. Словно ты залез к этому человеку в дом или втайне присвоил себе его личность. Леди Микаэла родилась возле Быстрых Вод, поэтому у нее на платье морские узоры, напоминающие о доме. Леди Шади обожает персики и кораллы, а ее отец разводит птиц – вот откуда у нее любовь к голубям и всему подобному. Госпожа Пармина для привлечения удачи носит на себе руны богатства. А я...

Котелок перед нами испускал пары грязного дыма. Я стоял с подветренной стороны, но от вони это не спасало. Поддерживая огонь, девушка подбрасывала в костер хворост.

Она провела рукой по своему платью, коснувшись пальцами вышитого на талии дракона, словно любимого питомца. Его тело по-прежнему скрывалось за широким поясом, но мне показалось, будто я заметил голову еще одного существа.

Она зачерпнула деревянным ковшом черное варево и извлекла из него темно-желтый безоар.

А после заговорила едва слышно:

– Вот почему мой поступок подорвал доверие леди Шади.

8

С момента прибытия в Анкио, в Дом Валерианы, прошел год, а у меня так ничего и не изменилось. Только леди Микаэла стала бывать в аша-ка реже, а мелкие оскорбления со стороны госпожи Пармины участились, когда мне почти исполнилось четырнадцать. Я все так же работала служанкой и, насколько мне дала понять старуха, большего мне ждать не нужно. Леди Микаэла, постоянно путешествуя в разные уголки королевства, в доме бывала редко. Я подозревала, что наставница решает какие-то важные вопросы, но она никогда не говорила о своих проблемах. Я переживала тот период, когда чувствуешь себя ужасно усталой и глупой. Я настолько погрязла в своих страданиях, что не видела ничего дальше своего носа.

Первое, что натолкнуло меня на мысли о трудностях леди Микаэлы, это случайно подслушанный разговор, который состоялся между ней и госпожой Парминой. Я как раз яростно терла полы рядом с комнатой старухи – та просто обожала курить, куда бы она ни пошла. Сажа и пепел настолько сильно въедались в пол, что приходилось драить его губкой, чтобы вывести черные пятна.

– На прошлой неделе умерла Сахмет, – сказала леди Микаэла. – Долгие месяцы она болела и не могла выполнять свои обязанности. Мне даже пришлось вместо нее разбираться с *заурви*. Искатели смерти до сих пор охотятся на *саурва*.

– Потеря Сахмет для нас – сильный удар, – согласилась госпожа Пармина. – Число Темных аш с каждым днем сокращается, а на смену им приходят единицы. Осталась только ты и эта девчонка. Но ты недостаточно сильна, чтобы и дальше разыгрывать это представление. И на лечение у тебя совсем нет времени.

– Я *буду* сильной, Мама.

– Я бы предпочла видеть тебя слабой и невредимой, чем сильной и мертвой. Мне поступают сообщения, что в Кионе замечен народ лжи, так что нам нужно быть бдительными, как никогда. Король Истеры сообщил мне, что они уничтожили у себя в королевстве фракцию Безликих. Но их лидер, Аена, скрылась. По докладам его шпионов, сейчас она может быть в Анкио.

– А что с двумя другими лидерами Безликих?

– Друж, по слухам, учиняет неприятности в городах-государствах Ядоши, на сегодняшний день он – их главная забота. Усид объявил войну Даанорису и теперь прячется где-то в горах, собирая войска для защиты своей крепости. Хорошо, что они не прикрывают друг друга. Действуй они сообща, нам пришлось бы гораздо труднее. Ты абсолютно уверена насчет этой негодницы?

– Мама, я верю в ее способности.

– Очень на это надеюсь, *дараэм*. Пользы от нее почти никакой: работу по дому выполняет плохо, учится медленно, но зато отлично умеет подслушивать то, что ее совершенно не касается. – Женщина повысила голос: – Чтобы уборные были вычищены к концу дня, Тия. И лучше тебе начать прямо сейчас, если не хочешь лишиться ужина.

Я тут же подскочила и с ведром воды умчалась прочь. По крайней мере, угрюмо думала я, она запомнила мое имя.

Я пребывала в постоянном беспокойстве. Казалось, моему рабству не будет конца, а в обширной библиотеке леди Микаэлы, как назло, не нашлось книг об ашах и рунической магии. Где же обещанное обучение, уроки, которые сделают из меня ашу? Подметание полов и мытье тарелок, может, и научило меня терпению и упорству, но вряд ли я смогу победить дэва шваброй и ведром, а госпожа Пармина способна обучить меня лишь тому, как пользоваться бесплатной рабочей силой.

Свою месть я выливали в сотне различных, пусть и мелких, поступков. Если меня посылали купить коробку цукатов для госпожи Пармины, один кусочек я обязательно забирала себе, а она ни о чем не догадывалась. Когда старуха бывала особенно противной, я вытирала туалет ее полотенцем для лица. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, насколько по-детски вела себя, но в минуты бессилия только так могла бунтовать.

В самые трудные дни я мечтала о великом будущем. Представляла себя могущественной ашей, сражающей дэвов и восхищающей людей. Видела себя, как предсказывала Лилак, в платьях и драгоценностях, под руку с принцем – с каждым днем он все больше походил на принца Канса. В этот миг мои мысли уносились далеко, и я гадала, увидимся ли мы с ним снова. Если он вообще меня помнил.

Все хорошее было связано с Фоксом. Он тайком, пока никто не видел, делал мне маленькие подарки. Ленту для волос и новый наряд госпожа Пармина тут же заметила бы и отправила в мусорное ведро. Мне разрешалось носить в волосах только заколку-полумесяц, подаренную леди Микаэлой. Это аметистовое украшение я бы с большей радостью кинула в костер жрицы вместо синих сапфиров. Поэтому Фокс дарил мне то, что я могла с легкостью спрятать: редкую книгу или что-то из любимых лакомств, вроде сладкого липкого теста моти, мясных котлет и жареного хлеба. Все эти блюда компенсировали жидкий водянистый суп, маринованный редис, рис и рунные ягоды, которыми меня кормили, лишь дважды в неделю балуя жареными сардинами.

По моей просьбе подобные гостинцы он приносил и Кане с Фархи. Кана принимала эти «задарма» – так она их называла, потому что в аша-ка служанкам запрещалось принимать такое, – с безграничной радостью. Фархи, напротив, относилась к ним более сдержанно, но уже очень скоро пресная еда пошатнула и ее решимость. Однако она получала эти подношения только из моих рук и ни в коем случае из рук брата.

Обязанностей у меня было больше, чем у остальных девушек, но вскоре они обе стали по возможности мне помогать – Кана из благодарности, а Фархи просто не хотела чувствовать себя обязанной. Частенько они заранее предупреждали меня о пробуждении госпожи Пармины. Тогда мы прятались на кухне, чтобы она не могла нас найти и отругать. Когда нас навещал Фокс, Кана хихикала и, смущаясь, бросала на него восхищенные взгляды, хотя мне все время не хватало духу сообщить ей, что он уже мертв. Дрихтианский обычай Фархи не позволял ей общаться с мужчинами, не являющимися членами семьи, поэтому девушка держалась на почтительном, если не сказать неприветливом, расстоянии от Фокса, стоило тому оказаться рядом.

Не знаю, откуда Фокс брал деньги на книги и еду, потому что на все мои вопросы он отказывался отвечать. Однажды он пришел, чуть прихрамывая, и мои опасения усилились.

– Тия, вскоре ты станешь ашей, – напомнил он мне, – а значит, должна быть правдива. Так что лучше тебе не знать. Но хочу тебя успокоить, ни в чем незаконном я не замешан.

– Но если все законно, то почему ты мне не говоришь? – не унималась я. – И с твоей стороны довольно лицемерно говорить о моей правдивости, когда сам ты таскаешь мне еду вот уже целых три месяца.

– *Формально* законно, – уточнил он. – И я сказал, что ты должна быть правдива, а не голодна.

На мой вопрос он так и не ответил.

Пришла весна, листья зазеленели, как свежая утренняя роса. Я сидела вечером на небольшой веранде и смотрела в ночное небо. Только что госпожа Пармина добавила еще одну обязанность к моему и без того длиннющему списку. Обычно Кана и Фархи по очереди ждали возвращения леди Шади в аша-ка, но старуха посчитала, что я тоже должна этим заняться.

Зачастую ученица возвращалась домой поздно, за несколько часов до рассвета. Мы обязаны были впустить ее и принять то, что она брала с собой на прием. Например, ситар¹⁶ или тонбак¹⁷ – два музыкальных инструмента, которыми она владела в совершенстве. Леди Шади все еще была ученицей, но при этом, как и большинство аш, готовясь к своему дебюту, посещала множество различных приемов. Она обладала милым и утонченным нравом, а потому нравилась гостям. Госпожа Пармина невероятно радовалась ее успехам.

Воздух был свежим и прохладным. Я, должно быть, на несколько минут задремала, потому что не сразу услышала стук в дверь. Подумав, что это леди Шади вернулась домой раньше, я быстро вскочила на ноги, отодвинула засов и распахнула дверь.

Симпатичная девушка на пороге оказалась мне незнакома, только простое коричневое платье давало подсказку. В квартале Ив размещались не только аша-ка. Здесь было и множество лавок, которые их обслуживали: мастерские, школы искусств и аптеки. Аша-ка держались ближе к храму жрицы, тогда как эти лавки располагались у входа в квартал. Среди них встречались *чайханы*, так называемые «чайные», – небольшие заведения, где аши развлекали гостей. И все их работницы носили подобные коричневые платья.

– Это Дом Валерианы? – спросила она.

– На вывеске, по-моему, так и написано, – проворчала я, недовольная тем, что меня разбудили. – А что?

– Вы мисс Тия? У которой еще есть брат по имени Фокс.

Сон как рукой сняло. Я и не предполагала, что мое имя будет известно кому-то еще, помимо обитателей Дома Валерианы.

– Кто тебе рассказал обо мне? – позабыв о вежливости, выпалила я.

Со слугами из других домов я редко общалась, потому что нас часто ругали, если вместо работы мы сплетничали. Не знаю, как наказывали других девушек, но госпожа Пармина лишала нас жареной рыбы, которую подавали два раза в неделю. А потому я, несмотря на все тайные угощения Фокса, не собиралась терять редкую возможность чувствовать хоть какой-то вкус. Леди Микаэла была не из числа сплетниц, как и, полагаю, леди Шади. Так что я подозревала Кану.

Девушка пожала плечами. От нее веяло магией и красотой. Похоже, даже в *чайхане* работницы не были лишены тщеславия.

– Пожалуйста, принесите леди Шади сменную одежду и ее ситар. И лучше вам поторопиться, иначе она разъярится!

Самой известной в округе чайной считалась «Падающий лист», и ее работницы нередко приходили в дома. Обычно за ночь аши обходили две или три *чайханы* – больше, если поль-

¹⁶ Ситар – персидский народный струнный щипковый музыкальный инструмент, принадлежащий к семейству лютней, на котором играют большим и указательным пальцами правой руки, прижимая лады пальцами левой руки.

¹⁷ Тонбак – персидский барабан в форме кубка, созданный еще в древнем Иране. Считается главным ударным инструментом в персидской музыке. Тонбак обычно располагают поперек туловища, музыкант играет одной или двумя руками, ударяя по барабану пальцами или всей ладонью.

зовались популярностью. Время от времени они посылали кого-нибудь в свой аша-ка за свежим *хуа* или за музыкальным инструментом, если гости желали насладиться представлением. Как правило, аши выбирали наряды под стать тому или иному времени года и перед выходом раскладывали их в комнате, на случай если в течение вечера придется сменить платье. Мне и раньше доставались подобные поручения, но никто из чайных посыльных никогда не называл меня по имени.

На дворе стояла весна, и леди Шади выбрала прекрасное оливково-зеленое *хуа*: по его широким рукавам были вышиты голуби, а на поясе темно-сливового цвета серебристыми нитями выложены контуры хризантем. Перед выходом она приготовила платье золотистого цвета, подол которого был усеян одуванчиками, а светло-серый пояс украшали бирюзовые листья. На кровати лежал сетар, потертый от времени и постоянной игры. Все это я аккуратно завернула в тонкую бумагу и с поклажей отправилась за девушкой.

Как и большинство чайных, снаружи «Падающий лист» выглядела обманчиво простой. Внутри вел куполообразный проход. Широкая складная перегородка из дерева с замысловатым металлическим узором скрывала торжества от посторонних глаз. За ширмой расстилался огромный сад, как и во всех чайханах Анкио. В небольших прудиках плавали рыбы, а шпалеры служили гостям тенью. По центру возвышалась большая статуя Анахиты в облике Великой Героини. В руках она держала кувшин, из которого тонкими струйками текла вода. Сад окружала платформа, состоящая из комнат, отделенных друг от друга деревянными перегородками и подвижными ширмами. Так что любой желающий мог с легкостью на несколько минут покинуть прием и в уединении побродить среди деревьев и цветов.

У входа девушка попросила меня подождать, а уже через минуту вернулась и позвала за собой. Когда мы приблизились к одной из комнат, до нас донеслись тихие переливы смеха. Она легонько постучала по ширме, и та немедленно отъехала в сторону. Какое-то время на нас смотрела круглолицая аша, которая потом отвернулась и возвестила собравшимся внутри:

– Прибыла Костяная ведьма!

Показалась длинная тонкая рука. Она схватила меня за рукав и втянула в комнату, прежде чем перед лицом испуганной служанки захлопнулась дверь.

Внутри гостей не оказалось, только аши. Они, хихикая, окружили меня, их серебристые кулоны мерцали в отблесках свечей. У меня вдруг закружилась голова, и я растерянно опустилась на пол, продолжая прижимать к груди одежду леди Шади и сетар.

– Ну вот, я думала, она будет старше! – воскликнула аша, затащившая меня внутрь.

Без сомнения, это была самая красивая девушка, которую я когда-либо видела. Ее струящиеся каштановые волосы были искусно уложены кольцами на затылке. По обеим сторонам лица позвякивали пестрые нити драгоценных камней, подчеркивающих ее смуглую кожу. На ней было светло-желтое *хуа*, на длинных рукавах которого порхали бабочки всевозможных оттенков синего.

– Мне казалось, Темная аша должна быть более внушительной, вроде Микаэлы из Пустошей или той Скряги.

Девочки прыснули от смеха.

– Зоя, если леди Пармина услышит, как ты ее называешь, она дерет с тебя шкуру! – заявила одна из них. Она была в *хуа* лососевого цвета, похожем на глицинию. Ее голову и грудь покрывала серая вуаль.

– Ну и пусть, Тами, – парировала Зоя. – Я не боюсь этой старой карги, которая чаще ковыряется в носу, чем меняет *хуа*! – Смех стал еще громче – у госпожи Пармины действительно имелась такая дурная привычка.

– А где леди Шади? – дрожащим голосом спросила я. Мне никак не удавалось унять пульсацию в голове.

– Будь она здесь, то испортила бы нам все веселье. – Голубые глаза Зои светились ликованием. – Но она упоминала, что тебя зовут Тия. Как необычно! Должно быть, Шади чувствует себя такой одинокой – единственная аша среди тьмы!

Я повернулась к двери, но путь мне преградили две девушки.

– Ты же пришла сюда посмотреть *чайхану*, да? Было бы неправильно отпустить тебя так рано, – проговорила другая аша. Ее голову обвивали длинные косы, тонкие заколки в волосах звенели при каждом движении.

– Не волнуйся, Брижет. Веселье только начинается. Давайте откроем сверток! Узнаем, что там внутри!

Пальцы Зои двинулись, и я увидела в воздухе отчетливые очертания незнакомой руны. А потом *хуа* леди Шади вырвалось из моих рук и полетело к ней. Она еще раз взмахнула рукой, и за платьем последовал сетар – его перехватила одна из аш.

– Вы только посмотрите! Это же вещи Шади! Ах ты, маленькая негодная служанка!

– Быстрее! – подгоняла Тами. – Нас ждут ребята!

Девушки окружили меня. Любые мои крики заглушались заклинанием руны Ветра, обволакивающим комнату, отчего снаружи меня никто не слышал. Лица и руки смешались: я чувствовала, как аши меня раздели и, удерживая на полу, облачили в *хуа* леди Шади.

– Ну-ка посмотрим на нее!

Меня снова усадили. Голова кружилась. Зоя внимательно изучала мой внешний вид.

– Выглядит неплохо, учитывая, как мало времени у нас было на подготовку. Брижет, положи ей на колени сетар.

Девушка с косичками повиновалась.

Зоя поджала губы.

– Чего-то не хватает. – Она склонилась ко мне и выдернула из волос аметистовую заколку-полумесяц. – Света, дай мне свою заколку с опалами.

Светловолосая аша с ужасом вскинула руку к волосам.

– Почему мою? Возьми у Тами. У нее их больше всех.

– Света, дай сюда.

Света недовольно вынула из волос заколку с фиолетовыми камнями и бросила ее девушке.

Зоя собрала мои волосы сбоку и вставила шпильку. Когда острый кончик царапнул кожу головы, я поморщилась.

– Ну вот. Сейчас она больше похожа на обнищавшую ашу всего с двумя *зиварами*¹⁸ за душой. – Она с презрением ткнула на мою заколку-полумесяц. – Только с этим можно сойти за одну из нас, и то с трудом! По сути, мы тебя повысили, маленькая Тия. Только подумай: из скромной служанки превратилась в полноценную ашу за какой-то час!

Эта шутка остальным показалась особенно забавной.

– Что вам нужно? – Теперь, когда я поняла, что они не собираются причинить мне вреда, меня обуял гнев. – Зачем вы так поступаете со мной?

– Расценивай это как небольшой жизненный урок. Твоя леди Шади забрала у меня роль в *дараши оюн*, а я просто захотела вернуть ей должок. – Она улыбнулась мне. – Я не звала тебя сюда, малышка. Ты сама сбежала, так что тебя в любом случае ждут неприятности. Поэтому лучше подыграй нам, если хочешь облегчить свою участь. На тебе *хуа* леди Шади, а в руках ее сетар. Уверена, ты и сама знаешь, что это значит.

Я застыла. Она права. Пусть я еще не аша, но мы с леди Шади обе принадлежим Дому Валерианы. И что бы я ни сделала в ее одежде, оно будет совершено от ее имени, от имени

¹⁸ Зивар (*zivar*) – украшение (*перс.*).

госпожи Пармины и леди Микаэлы, от имени Дома Валерианы. А то, что меня заставили, не имеет никакого значения.

– Мне пора, – выкрикнула я и попыталась вырваться, но в меня вцепилось еще больше рук. Головная боль никак не утихала, я даже начала сомневаться, что смогу удержаться на ногах.

– Ну как же я могу тебя отпустить, – проговорила прекрасная аша, – после того как ты украла *хуа* и любимый инструмент моей лучшей подруги Шади? Я должна сообщить об этом хозяйке «Падающего листа», чтобы тебя вышвырнули на глазах у всех присутствующих гостей.

Я понимала, к чему она клонит. Если я попытаюсь уйти, то она сделает все возможное, чтобы репутация Дома Валерианы пострадала. И пусть реакция госпожи Пармины меня не волновала, меньше всего мне хотелось разочаровать леди Микаэлу.

– Так-то лучше, – ухмыльнулась Зоя, когда я успокоилась. – Не волнуйся. Улыбайся и делай все, что я тебе скажу, тогда сможешь уйти, как только прием закончится.

Прием? Девушки уже поднимали меня на ноги, а из-за головной боли я не могла им сопротивляться.

Они провели меня через сад и подтащили к другой комнате. Гомон голосов извещал о том, что гости уже собрались. Не успела я опомниться, как аша с косами по имени Брижет улыбаясь дернула ширму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.